
Ассоциация исследователей российского общества XX века
Журнал «Свободная мысль-XXI»

Серия «АИРО — научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века»

Международный совет издательских программ и научных проектов АИРО

Г.А. Бордюгов	главный редактор
А.Г. Макаров	генеральный директор
С.П. Щербина	арт-директор
К. Аймермахер	Рурский университет в Бохуме
Д. Байрау	Тюбингенский университет
В. Берелович	Высшая школа по социальным наукам, Париж
Б. Бонвеч	Рурский университет
Р. Бургер	INTAS, Брюссель
Х. Вада	Токийский университет
А.Ю. Ватлин	МГУ им. М.В. Ломоносова
Л.С. Гагагова	Институт российской истории РАН
П. Гобл	Фонд Потомак
Г. Горцка	Кассельский университет
А. Грациози	Университет Неаполя
Р.У. Дэвис	Бирмингемский университет
Е.Ю. Зубкова	Институт российской истории РАН
Ст. Коэн	Принстонский, Нью-йоркский университеты
А.Ч. Касаев	Журнал политической мысли России «Политический класс»
Дж. Д. Морисон	Лидский университет
В.Э. Молодяков	Университет Такусёку
И.В. Нарский	Южно-Уральский государственный университет
В.А. Нежежин	Институт российской истории РАН
Н. Неймарк	Стэнфордский университет
Д. Рейли	Университет Северной Каролины на Чапел Хилл
Б.В. Соколов	Московский государственный социальный университет
Т.А. Филиппова	Российский исторический журнал «Родина»
Я. Хоулетт	Кембриджский университет
Ю. Шеррер	Высшая школа по социальным наукам, Париж

Представители АИРО-XX в Российской Федерации

В.М. Бухараев	Казань
А.В. Венков	Ростов-на-Дону
В.И. Голдин	Архангельск
В.А. Дробышев	Старый Оскол
В.А. Исаев	Новосибирск
В.В. Канищев	Тамбов
Н.А. Постников	Курск
Е.М. Раскатова	Иваново
В.П. Федюк	Ярославль
Т.А. Чумаченко	Челябинск

ВЕЛИКАЯ ВОЙНА:
ТРУДНЫЙ ПУТЬ
К ПРАВДЕ

*Интервью,
воспоминания,
статьи*

Москва
«АИРО-XX»
2005

Публикуется благодаря поддержке
Центра исследований постиндустриального общества (Москва)
и Maison des Sciences de L'Homme (Paris)

Дизайн и вёрстка: *Сергей Щербина*

Великая война: трудный путь к правде. Интервью, воспоминания, статьи.
Серия «АИРО — научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вы-
пуск 17. — М.: АИРО-XX, 2005. — 72 с.

ISBN 5-88735-145-4

ISBN 5-88735-145-4

© АИРО-XX, 2005.

СОДЕРЖАНИЕ

Роман РОМОВ

Предисловие. «ПРАВДА О ВОЙНЕ» И ПРАВДА ВОЙНЫ..... 7

Герман КАНТ, Андрей ТУРКОВ

«ВОЙНА ЕСТЬ СУММА ВСЕХ ЗОЛ»..... 10

Александр ЗИНОВЬЕВ

МОЯ ЭПОХА. О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
1941–1945 ГОДОВ

*О себе • Подготовка к войне • Пакт о ненападении • Репрессии •
Начало войны • Поражения начала войны • Ход войны •
Оценка войны • Украденная победа • Заключение* 19

Бернхард КБЯРИ

МИФОЛОГИЗАЦИЯ ВОЙНЫ

*Цена победы: внутренние разрушения советского общества
на оккупированных территориях • Насилие и опыт насилия.*

Немецкое господство в Советском Союзе как часть

«континуума кризиса» • Военная история:

задачи научной дисциплины 36

Борис СОКОЛОВ

ЦЕНА ПОБЕДЫ И МИФЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Цена войны — в человеческих жизнях • Жертвенные мифы

и кровавая действительность • Красная Армия: освободители

или насильники? • Оккупация или освобождение?..... 53

Предисловие

«ПРАВДА О ВОЙНЕ» И ПРАВДА ВОЙНЫ

Люди, празднующие своё шестидесятилетие девятого мая этого года уже не застали Великой Отечественной войны. И если прежде мы следили за тем, как редуют ряды ветеранов на праздничных площадях, то теперь один за другим уходят и те, чья память о войне наполнена воспоминаниями раннего детства. Но по-прежнему Великая Отечественная война воспринимается самым значимым событием в нашей общей истории. В нашей личной истории.

Война довлеет, война не даёт покоя. В рецензиях на вышедшую недавно антологию военной лирики «Жди меня и я вернусь...» неизменно цитируется одно лишь стихотворение — не симоновское, всем известное, а «Валенки» Иона Дегена, лейтенанта-танкиста, доживающего свой век в Израиле. Всего два четверостишия:

Мой товарищ, в смертельной агонии.
Не зови понапрасну друзей,
Дай-ка лучше погрею ладони я
Над дымящейся кровью твоей.

Ты не плачь, не стони, ты не маленький,
Ты не ранен, ты просто убит.
Дай на память сниму с тебя валенки,
Мне ещё наступать предстоит.

Хочется увидеть там, в шестидесятилетней дали, маленького человечка со своими маленькими делишками и переживаньями — мы ведь тоже в мирной своей жизни не на амбразуры бросаемся, а всё больше валенки с чужих ног стаскиваем, — нам неудобно перед монументами.

В безапелляционном замечании одного из авторов этого сборника, объясняющего присутствие войны 1941–1945 годов в исторической памяти советских народов «страшными разрушениями, вызванными немецкой оккупацией», есть своя правда. (Если уточнить, конечно, что страшные разрушения — всего лишь фон для чудовищных человеческих жертв; недаром подсчёт потерь до сих пор вызывает такую бурю в общественном мнении.) Война — это «мы выстояли», война не столько торжество наше, сколько подвиг преодоления, война — это прежде всего провалы окон Дома Павлова, непримечательного четырёхэтажного жилого здания в Сталинграде, и лишь потом — зная над Рейхстагом, символом поверженной гитлеровской власти. Великая Отечественная война — это преодоление непреодолимого, это самое масштабное проявление героизма в русской истории, а потому весомейший аргумент при характеристике нашего прошлого, при определении нашего будущего.

Стремление «выяснить правду о войне», огласить её, навязать, утвердить вызвано, как правило, самыми чистыми побуждениями. На практике все эти «правды», комбинации фактических сведений (действительно более и более близких к реальности) — всего лишь орудия в идеологических сражениях мирного времени. Кругом битва мифов, к самой войне имеющих отношение косвенное. Миф о Сталине-победоносце против мифа о бездарном руководстве, миф о едином идейном порыве против мифа о многомиллионной армии коллаборационистов. Укрепляются современные идеологические конструкции — и хорошо, что укрепляются, наверное, потому что идеологии не нужны только при коммунизме. А коммунизм, по новым сведениям, не наступит.

По большому счёту, маловажно, какие мифы доминируют сегодня, какие сменят их завтра. Главное, чтобы память жила. Ведь чужих не будет в раю. Здесь чужие будут всегда — и может статься, что они придут в твой дом, за тобой, за твоей семьёй, за твоей Родиной.

Разом аннулируют толерантность и беспристрастность, идеологии и локальные правды, отменяют всех маленьких людей.

И замолчит Деген, и снова заговорит Симонов:

Знай: никто её не спасёт,
Если ты её не спасешь.

Материалы, составившие этот сборник — самые разные и по жанру, и по подходам, и по отношению к предмету; хочется надеяться, что все они будут прочитаны с одинаковым интересом, но вряд ли есть на свете такой читатель, у которого они вызовут одинаковое сочувствие. Своя идеология у немецкого историка Бернхарда Кьяри, своя идеология у русского философа Александра Зиновьева, своя — у Андрея Туркова, у Германа Канта, у Бориса Соколова.

Но Великая Отечественная война одна на всех. А.М. Турков, рассуждая об опыте войны, вспоминает афоризм Ключевского: история «ничему не учит, а только наказывает за незнание уроков». Минувшее столетие убедило в том, что самые лучшие учебники не застрахованы от наказаний историей. Бог Иова найдёт. И, пожалуй, самое важное знание для человека, для народа, для человечества — каковы были эти кары, как они преодолеваются, как перенесли их предыдущие поколения, как в бесчеловечности выживает человеческое. Такое знание историк даёт читателю независимо от проходящих мировоззренческих штампов.

Роман РОМОВ

*Герман КАНТ,
Андрей ТУРКОВ*

«ВОЙНА ЕСТЬ СУММА ВСЕХ ЗОЛ»

История любой войны помимо дат, названий частей и соединений, имён военачальников, перечня захваченных или оставленных войсками географических пунктов, цифр потерь — словом, всего того, что требуется для классического описания боевых действий, включает в себя особое, человеческое измерение. Как война сказывалась на человеке и обществе? Что меняла, а что оставляла неизменным? Как усвоен её опыт — не политиками, а простыми людьми? С этими и другими вопросами редакция «Свободной мысли-XXI» обратилась к двум ветеранам той давней войны, к двум литераторам, к людям, для которых именно человеческое измерение войны наиболее близко и знакомо. Один из них — немецкий писатель Герман КАНТ, другой — русский критик Андрей ТУРКОВ. Они не знакомы, в годы войны находились по разные линии фронта, и заочный диалог на страницах журнала — их первая встреча.

Писатель Герман Кант родился в Гамбурге в 1926 году. Был призван в армию, вскоре оказался в советском, а затем в польском плену. Из трудового лагеря в Варшаве, где он был одним из основателей «Антифашистского комитета», в 1949 году вернулся в Германию, принял гражданство ГДР, вступил в СЕПГ. Изучал германскую филологию и философию в Гумбольдском университете в Берлине, защитил диссертацию о романе «Сталинград» Теодора Пливье. С 1976-го по 1990 год возглавлял Союз писателей ГДР. Его самые известные произведения, в которых часто присутствуют автобиографические моменты — «Актный зал» (1965), «Импрессум» (1972), «Остановка в пути» (1977), «Титры в конце фильма» (1991), «Окарина» (2002). В марте 2005 года вышел в свет новый роман Г. Канта «Кино».

Андрей Михайлович Турков родился в г. Мытищи Московской области в 1924 году. В Великой Отечественной войне участвовал в качестве рядового. Был тяжело ранен, награжден орденом Отечественной войны 1-й степени, медалью «За победу над Германией». В 1950-м окончил Литературный институт. Один из самых известных и уважаемых литературных критиков России.

Автор многочисленных литературно-критических и историко-литературных книг, многие из которых неоднократно переиздавались, в том числе: «Александр Твардовский» (1970), «Николай Заболоцкий» (1981); «Александр Блок» (1981), «Ваш суровый друг. Повесть о М.Е. Салтыкове-Щедрине» (1988); «Борис Михайлович Кустодиев» (1998), «А.П. Чехов и его время» (2003), «Время и современники: статьи о современной России и русской литературе» (2004).

С Германом Кантом беседовала специальный корреспондент журнала «Свободная мысль-XXI» в Германии Корнелия Кёстер. Вопросы Андрею Туркову задавал заместитель главного редактора журнала Никита Дедков.

— Вы принадлежите к поколению, вынесшему на себе всю тяжесть военных лишений и, в отличие от последующих благополучных поколений, на себе испытавшему, что такое война. И накануне 60-летия со дня окончания Второй мировой войны первый вопрос: есть ли что-то главное, чему научил Вас военный опыт? Можно ли сказать, что война что-то изменила в Вас как в человеке, и если да, то что?

Г е р м а н К а н т

— Вряд ли я могу считаться ветераном войны, пробыв четыре недели солдатом и четыре года военнопленным. Скорее, я могу говорить о себе просто как об одном из пленных, тем более что провёл несколько важнейших лет жизни в трудовом лагере, который находился посреди уничтоженного Варшавского гетто. Я усвоил нечто вполне банальное, а именно, что война есть сумма всех зол. И ещё понял, что большинство людей этот опыт ничему не учит. Я был молодым парнем, и те годы меня скорее сформировали, нежели изменили. И с тех пор я открываю рот, большей частью, без особой уверенности.

А н д р е й Т у р к о в

— Я вступал в войну типичным городским подростком, разве что довольно отрицательно, со щенячьей дерзостью, относился к обожествляемому вождю.

Поэтесса-фронтовичка Юлия Друнина писала, что «в семнадцать лет, кочуя по окопам... увидала родину свою». Могу сказать нечто подобное и о себе. Однако с той разницей, что моё

«открытие» родины растянулось во времени, включило в себя дальнейшие, мирные десятилетия и особенно — время путешествий по русскому Северу.

Да и вообще вырослел я долго, медленно, а в чём-то, пожалуй, ума так и не набрался.

— Поражение Германии в Первой мировой войне и национальное унижение стало одной из причин прихода Гитлера к власти, поражение во Второй мировой положило начало демократизации немецкого общества. Что изменилось, почему сходные в принципе исходы войн дали столь разные результаты? Что изменилось в немецком обществе, в людях?

Герман Кант

— Первая мировая война была достаточно жестокой, но во всех своих проявлениях всё же более мягким «вариантом» Второй мировой. Это была война без умерщвления газом в Освенциме, без истребления целых народов, без «приказа о комиссарах», без тотальных бомбардировок и «выжженной земли» и т. п. Победители тогда обнародовали серьёзнейшие запреты и потребовали от Германии выплаты репараций, против огромного объёма которых было легко агитировать как справа, так и слева.

К концу Второй мировой войны ликвидация германского фашизма была давно уже решённым делом союзников. В числе результатов войны — Потсдамское соглашение, Нюрнбергские процессы, создание четырёх оккупационных зон и денацификация. Но к каким бы результатам ни привели оккупация и индоктринация, существеннее было другое — различие между Первой и Второй мировыми войнами. Немцы отказались от гитлеризма легче, чем от вильгельмовской империи — не в последнюю очередь из-за своей нечистой совести, но и потому ещё, что гитлеризм грубо обходился даже со своими сторонниками. Едва ли кто-то ещё хотел «фюрера», но императоры, цари или короли были у всех.

И откуда же было [после 1918 года] взяться нечистой совести? Большинство не считало себя виновными: им ведь приходилось повиноваться. Теперь же [в 1945-м] вдруг — это может прозвучать как рискованное упрощение — пришла демократия, во

всяком случае на Западе Германии, в условиях которой можно было дискутировать и выбирать. Теперь опасность выдвижения ужасных обвинений уменьшилась. Итак, да здравствует демократия! Немцы 1918 года были в значительной степени похожи на немцев 1945 года, но эти последние поняли, что им лучше было бы остаться там, где в 1918 году началась Веймарская республика.

— В Советском Союзе в конце войны тоже были надежды на какое-то послевоенное смягчение режима, облегчение жизни людей. Однако им не суждено было сбыться. Но это — на государственном уровне. А если взять уровень общества, то изменилось ли оно? Изменила ли война советского человека, общество в целом?

А н д р е й Т У Р К О В

— Ох, боюсь я «суммарных» оценок! Страна наша так огромна, общество столь разнослойно, и судьбы людские складывались так неодинаково!

Иному до сей поры хоть кол на голове теши, а он всё своё: ни ему лично, ни его близким Сталин ничего плохого не сделал...

Памятником страстным, но, увы, не оправдавшимся надеждам военных лет на благие перемены в советском обществе, на вдумчивое извлечение уроков не только из военного опыта, но и из многого совершенного в 1920–1930-е годы, остаются не только многие дневниковые записи весьма трезвых людей, вроде академика В. И. Вернадского, но и повесть Валентина Овечкина «С фронтовым приветом».

«Уроки», однако, были извлечены совсем не те. Миллионы «братьев и сестёр», к которым «по-родственному» воззвал вождь в страшном июле 1941-го, были вновь переименованы в «винтиков», которым грош цена (вспомним другое, незабвенное: «У нас незаменимых нет!»).

А вот «обожествление» вождя, о котором упоминал выше, приобрело совершенно немыслимые размеры и, увы, на массу людей воздействовало почти гипнотически. В «величальном» стихотворении Михаила Исаковского прозвучало знаменательное признание, ныне выглядящее горькой укоризной не столько даже

герою стихов, сколько самому автору и многим его современникам:

Мы так Вам верили, товарищ Сталин,
Как, может быть, не верили себе.

Уже собственным глазам, собственному опыту не верили: ну, что ж, если тебе лично трудно приходится, то ведь это, наверное, «нетипично» (ходкий термин той эпохи)! Вспомним сцену из поставленного Львом Додиним спектакля по романам Фёдора Абрамова, когда жители перебивающейся, как говорится, с хлеба на квас северной русской деревни смотрят пасторальный фильм «Кубанские казаки» и чуть ли не угрызаются: а вот мы, дескать, неумехи какие-то!

— Вторая мировая война уходит от нас всё дальше в прошлое. Как воспринимают её сегодняшние поколения? Стала ли она окончательно историческим событием или все ещё продолжает оказывать влияние на общество?

Герман КАНТ

— Естественно, принадлежность к тому или иному поколению играет определённую роль. Для молодого человека, у которого нет деда-героя, постоянно рассказывающего о пережитом, Вторая мировая война предстает чем-то похожим на Тридцатилетнюю. С другой стороны, союзы изгнанных и подобные им организации относятся к своему делу как к наследственному достоянию. Если делать ставку на затемнение истории, в такой атмосфере могут возникать самые причудливые мифы. Были, например, в ходе опросов получены ответы, согласно которым Вторая мировая война началась с нападения Польши на Германию. Как далеко отсюда до утверждения, что вообще всё это началось с нападения Восточной Германии на Западную? Пожалуй, единственно хорошее в страшном событии — это то, что воспоминание о нём не проходит.

Андрей ТУРКОВ

— Очень большой для меня вопрос. Порой встречаешь сыновей (уж не то что внуков) погибших солдат, для которых, однако,

Великая Отечественная ушла в такую страшную, туманом повитую, не трогающую сердца даль, будто какая-нибудь древнеримская Вторая Пуническая война.

А мне вот все помнится услышанное в 1960-х на Байкале, что с той войны слезы ещё не высохли.

Да и высохнут ли они вообще когда-нибудь, особенно памятуя, что ужасающие раны, которые те четыре года нанесли нашей земле, народу, хозяйству так до конца и не затянулись?

— Сражения на советско-германском фронте были наиболее ожесточёнными и кровопролитными, за оккупацией Германии значительной территории Советского Союза последовала оккупация немецких территорий войсками СССР — казалось, нанесённые войной раны никогда не будут забыты. Но сегодня, спустя 60 лет, сказываются ли события войны на отношениях русского и немецкого народов?

Герман КАНТ

— Одинаковое количество пролитой крови не уподобляет одну оккупацию другой. Примирение не наступает, если взаимно зачесть кровавую истребительную войну и не менее кровавую оборонительную войну. К счастью, большинство сегодняшних немцев не полностью закрыто от этой идеи, хотя это не должно позволить нам забыть о существовании крайне правого меньшинства. Германия и Россия сослужили бы очень важную службу каждая себе и друг другу, заменив хитрость умом и попытавшись стать честными партнерами. Пусть не будет сразу же братского поцелуя и луга, на котором состоится празднество, — соседское приветствие и рыночная площадь тоже совсем неплохи.

Андрей ТУРКОВ

Когда страна-победительница ощущает себя по сравнению с побежденной нищей, если не побирушкой, это, естественно, вызывает у жителей первой самые разные и не всегда добрые чувства.

Разумеется, вымещать их на «чужих» могилах, «чужих» кладбищах — грешно и стыдно.

Однако, когда на недавней научной конференции в Германии охотнее всего вспоминали о бесчинствах и насилиях, совер-

шённых на немецкой земле «восточными варварами», — это какво?!

Да, что было — то было. Но «культурные европейцы»-то что творили в России — и не несколько месяцев, а куда дольше?

И честь и слава той совестливой немецкой женщине, которая сказала: «Если бы советские люди отомстили бы нам за всё, что мы сделали, от нас ничего не осталось бы».

— Известно, что для Германии, для немецкого общества вопрос об исторической ответственности очень важен, для преодоления нацизма и восстановления справедливости в отношении его жертв сделано действительно очень много. Однако можно ли сказать, что возрождение агрессивных националистических идей в Германии в той или иной форме невозможно? А если национализм не умирает, то в чём Вы видите причину его живучести? И что надо делать, для того чтобы избежать новой трагедии?

Г е р м а н К А Н Т

— В обращении с исторической ответственностью рекомендуется начинать с осуществимого, достижимого и доступного. Точно так же, конечно, следует поступать и с тем, что подлежит оплате. Смех вызывает немецкая или российская школьная система, в которой не находит места преподавание русского или немецкого языков, включающее историко-культурный аспект. А там, где нет понимания, люди не могут и выносить друг друга. Мёртвым уже больше нечему учиться, а вот молодые ещё могут научиться всему. Националистами не рождаются — нас обучают национализму. Некий литератор, сказав, что национализм прививается с колыбельной песней, настаивает на своих старых средствах борьбы против него, даже если они нередко отказывали. А средства эти — культура национальной самокритики и литература, обогащающаяся благодаря международному опыту.

— Великая Отечественная война — это была не только война с Германией, это была война с фашизмом, с национал-социализмом. Однако сегодня мы видим, что идеи фашизма, националистические идеи оказываются для многих привлекательными

в России. Что происходит? В чём причины живучести национализма? И что можно и нужно делать, чтобы избежать трагедии?

А н д р е й Т У Р К О В

— Наш народ слишком много перестрадал, чтобы в нем порой не возникало чувство горечи и обиды за своё несчастье.

Бывало и такое, что его национальные чувства, национальную гордость то оскорбительно задевали (огульно пренебрежительно отзываясь о его прошлом, именуя, к примеру, войну 1812 года «националистической», «так называемой народной», разоряя, а то и вовсе уничтожая воинские кладбища в Севастополе и даже в столице России, в районе Песчаных улиц), то, наоборот, — из огня да в полымя! — непомерно раздували их в самых неблагоприятных политиканских целях, приписывая русскому народу славу чуть не всех великих изобретений и открытий, и т. д. и т. п.

В результате образовывается некая чудовищная взрывчатая смесь, чреватая шовинизмом, ксенофобией, самодовольством. По сравнению с этим «молоотовский коктейль» военных лет (бутылки с горючей смесью, применявшиеся против танков) — просто невинная забава.

— И следующий вопрос: возможен ли национализм, если можно так выразиться, панъевропейский — национализм жителей Европейского Союза, обратной стороной которого станет враждебность по отношению к жителям «третьего мира»? Или же традиционные внутриевропейские границы будут сохранять свою значимость при всех условиях?

Г е р м а н К А Н Т

— Когда речь заходит об эгоизме всякого рода, о мясе и шерсти, о деньгах и значимости, можно столкнуться с каким угодно идиотизмом. И часть этого — поведение «европейцев» как членов закрытого клуба, включающее различие между старой и новой Европой. Это национализм широких масштабов. Вообще к любым объединениям стоило бы подойти с вопросом о том, что или кого они намерены исключить из своего состава. Я ничего не имею против политических союзов, но всеми фибра-

ми души против представления Кёлера (1) о том, что их в принципе следует превратить в альтруистические благотворительные предприятия.

— *Вторая мировая война наградила человечество страшным опытом: невиданное прежде число жертв среди гражданского населения, уничтожение целых городов с воздуха, Холокост и т. д. и т. д. Когда был затеян Нюрнбергский процесс, казалось, что человечество извлекло определённые уроки из этой трагедии. Однако так ли это на самом деле? Можем ли мы говорить о том, что вооружённых конфликтов и преступлений против человечности в мире становится меньше? И вообще, способны ли люди учиться на чужих ошибках, или они всегда будут их повторять?*

Г е р м а н К А Н Т

— Мне представляется, что на сей счёт я уже сказал кое-что в начале. Но вот ещё что. В одной небольшой книжке сказано: «Человек не дорос до своих идей». Что, впрочем, не освобождает его, поспешно добавляет автор, вновь и вновь упрямо повторять попытку.

А н д р е й Т У Р К О В

— Не умею ответить на этот вопрос лучше, чем знаменитый историк Ключевский: история никого не учит, однако строго наказывает тех, кто не желает извлекать из неё уроки. Так было. Так может быть и впредь.

Ответы Германа Канта перевёл с немецкого В. Волков

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Хорст Кёлер — президент ФРГ с 2004 года, до этого президент Европейского банка реконструкции и развития и директор МВФ (*прим. переводчика*).

Александр ЗИНОВЬЕВ*

МОЯ ЭПОХА

О Великой Отечественной войне 1941–1945 годов

О СЕБЕ

Скажу пару слов о себе, поскольку буду говорить о моём индивидуальном понимании этой войны, которое не только не является принятым, но даже вряд ли присуще кому-то другому. Во всяком случае, единомышленники в этом отношении среди людей, достаточно серьёзно изучавших войну, мне не встречались.

Уже в 1938 году я был убеждённым антисталинистом и критиком советского (коммунистического) социального строя. Но не его врагом. Я был идеальным или романтическим (как тогда говорили, *настоящим*) коммунистом и рассматривал негативные (на мой тогдашний взгляд) явления советской жизни как отступление от идеального («подлинного») коммунизма. Считал, что виновны в этом отступлении сталинское руководство и лично Сталин. Антисталинистом (причём активным) я оставался до смерти Сталина. Все эти годы я имел возможность наблюдать и изучать советское общество во всех его существенных проявлениях почти как в лабораторных условиях. Наблюдал я, разумеется, и войну, участвовал в боях в различное время и в различном статусе. Наблюдал и ситуацию в тылу, то есть знал страну в состоянии войны.

Разумеется, моё понимание советского общества, сталинизма и Сталина менялось с годами. Я получил хорошее образование, позволившее мне занять позицию объективного учёного. И мой антисталинизм утратил смысл. То, что я намерен сказать в даль-

* Зиновьев Александр Александрович — писатель, доктор философских наук, профессор.

нейшем, есть результат именно научного исследования. Я неоднократно высказывался в моих сочинениях на темы, связанные с войной, в частности в книгах «Русская судьба (исповедь отщепенца)» и «Нашей юности полет», опубликованных впервые соответственно в 1980-м и 1983 годах. К этому времени у меня сформировалось то понимание войны 1941–1945 годов, которого я придерживаюсь до сих пор и которое вряд ли изменю в будущем.

ПОДГОТОВКА К ВОЙНЕ

С 1933 года я жил в Москве, учился в средней школе. Нам, ученикам, постоянно внушали, что предстоит война с западным империализмом, прежде всего — с Германией. Нас готовили к войне! К войне не захватнической, а оборонительной. Хотя и говорили порой, что наступление есть лучшая оборона, говорили о превентивной войне и т. п., но это были лишь слова. В основе всего лежала идея защиты завоеваний Октябрьской революции от мирового империализма и прежде всего — от фашистской Германии (немецкий национал-социализм нам преподносили как фашизм). Моё (предвоенное) поколение было подготовлено именно к этой войне, а не к войне вообще. Мы вырастали как носители и защитники результатов нашей (социалистической) революции.

Прошли многие годы. Сколько было передумано! И вот теперь я со стопроцентной уверенностью могу сказать, что моё поколение своё историческое предназначение выполнило. Ни с каким другим поколением победа была бы невозможна. Хотя наше поколение понесло огромные (самые большие) потери, хотя жили и участвовали в войне старшие поколения, хотя подрастали и вступали в войну более молодые люди, всё равно общий моральный, психологический и идеологический тон задавали люди моего поколения. Перефразируя слова Бисмарка, сказавшего, что в битве при Садовой победил прусский народный учитель (1), я неоднократно говорил и повторю сейчас, что войну 1941–1945

годов выиграл советский десятиклассник, окончивший школу в 1937–1941 годах.

Страна жила в состоянии постоянной готовности к войне. Сталинское руководство прекрасно понимало, что война неизбежна. Понимало, кто враг. Оно готовило страну к войне и в материальном отношении. Но делало это в исторически данной (конкретной) реальности, а не в сфере абстрактного словоблудия. Если принять во внимание конкретные условия, то удивляться приходится не тому, что не сделали, в чём-то ошиблись и т. п., а тому, что всё-таки сделали на самом деле, несмотря ни на что. Уверен, что никакое другое руководство не сделало бы так много, как сталинское, ни при какой другой социально-политической стратегии. Сделано было максимально много для условий тех лет. Критики сталинизма, утверждающие, будто без Сталина и с другой стратегией можно было бы избежать ужасов и потерь тех лет, являются просто безответственными болтунами, машущими кулаками после драки. Это о них говорил Шота Руставели: «Каж-дый мнит себя стратегом, видя бой со стороны».

Другое дело — готовность к войне материальная, техническая, чисто военная. Тут страна к июню 1941 года действительно не была готова на должном уровне. Но не по вине Сталина и его руководства. Не успели подготовиться в силу независящих от Сталина причин. Западные стратеги были не дураки. Было бы очень странно, если бы они стали ждать, когда Советский Союз будет готов во всю мощь. Стране не хватило нескольких лет (двух-трёх, не более), для того чтобы потери от войны были бы значительно меньше понесенных. Полностью избежать значительных потерь было в принципе невозможно, поскольку враг обладал колоссальной мощью. И военный опыт имел, и интеллектуальным уровнем обладал высоким. И военный дух немцев был высок, какую бы направленность он не имел. Захватчики порою бывают неплохими вояками.

Приведу несколько примеров, иллюстрирующих сказанное. В начале войны я служил в танковом полку недалеко от западной границы. Полк был вооружен танками «БТ-5». Они были устаревшими, по сути дела неспособными противостоять немецким танкам. И в боях они фактически не участвовали. К этому времени уже был изобретен «Т-34», проявивший себя как лучший танк

Второй мировой войны. Но на его серийное производство и перевооружение им армии требовалось как минимум год или даже два (2). Аналогичная ситуация имела место в авиации. Уже к 1941 году был изобретен гениальнейший штурмовик «Ил-2» (3), а на вооружение армии он мог поступить опять-таки не раньше, чем через год. Мне пришлось служить и в авиации. Я учился летать ещё на самолетах «И-15» и «И-16», которые были бес- сильны против немецкой техники (4). Наши знаменитые «Катю- ши» уже в начале войны появились в армии (5). Но — всего лишь одна батарея. Аналогичным образом обстояло дело во многих других отношениях. Если брать каждую из таких проблем по отдельности, то кажется, будто её можно было решить лучше. Но сколько этих проблем было! Если взять их в совокупности и в условиях тех лет, то остается только поражаться тому, что они всё-таки решались и решались успешно. Тогда мало кто в запад- ном мире (включая Германию) верил в то, что они вообще разре- шимы.

ПАКТ О НЕНАПАДЕНИИ

Сколько всякой ерунды написано и наговорено на эту тему! Что только не приписывали Сталину! А суть дела была проста и оче- видна всякому здравомыслящему человеку: любой ценой оття- нуть начало неизбежной (!) войны. Сталинская стратегия была правильной с точки зрения интересов нашей страны, причём — единственно правильной в те годы. Надо различать сущность явлений (скажем — зерно) и их ситуационную поверхностную оболочку (скажем — шелуху). Разоблачители и критики стали- низма обычно копаются в шелухе, выдавая её за зерно, а зерно не видят или умышленно замалчивают. Признаюсь, и я не сразу научился различать зерно и шелуху дела. Это было не так-то просто сделать в моём положении. Прошло несколько лет, пре- жде чем я выработал для себя такой приём: оценивая действия сталинской власти, я ставил себя на место Сталина и спрашивал себя, как бы я поступил на его месте. И почти всегда признавался

себе, что не мог бы поступить лучше. Лишь в послевоенные годы стали появляться случаи, когда от такой оценки приходилось отказываться, — сталинизм исчерпал себя, дело шло к десталинизации. Но это — тема для другого разговора.

РЕПРЕССИИ

Много сказано, говорится и наверняка будет говориться о репрессиях в армии. Всеобщее мнение на этот счёт — эти репрессии ослабили армию и стали одной из причин поражений начала войны. Даже те, кто вроде бы лоялен по отношению к Сталину, склоняются к такому мнению или делают уступки разоблачителям.

Я вообще отвергаю концепцию репрессий, наиболее ярко выраженную Солженицыным (так что её можно назвать солженицинской), как идеологическую фальсификацию советской истории. Дело тут не в том, что репрессий на самом деле не было, — они были. Конечно, не в таких раздутых масштабах, как изображают их разоблачители, но в значительных. Суть дела в том, как они преподносятся в целом: они вырываются из конкретной исторической среды, все репрессированные изображаются как невинные жертвы злодея Сталина и его подручных, как будто не было никакой социальной борьбы. А борьба была, порою весьма серьёзная. Террористическая группа, в которой я участвовал, какая бы нелепая она ни была, существовала на самом деле. Если бы до неё докопались, меня расстреляли бы (6). И что, это тоже было бы необоснованное зверство сталинских палачей?! Мне орден что ли за намерение убить Сталина следовало дать?! (Конечно, если бы это убийство удалось, кто-то и когда-то меня наградил бы за это. И это тоже стало бы элементом социальной борьбы.) Короче говоря, я много лет изучал предвоенную ситуацию, включая репрессии в армии, и пришёл к выводу, который все, с кем приходилось говорить на эту тему, находили «еретическим»: если бы не было предвоенных репрессий в армии, мы войну проиграли бы. Причём, вместо одного Власова мы имели бы десятки, да ещё покрупнее его.

НАЧАЛО ВОЙНЫ

Много говорилось и говорится о неожиданности войны. Мол, прогляпили! Это фактически неверно. Надо различать неожиданность войны и неожиданность именно такого конкретного её начала. Плюс к тому — стремление оттянуть начало, о котором я сказал выше.

А вот факты, о которых знаю по своему опыту. Я попал в армию в 1940 году на Дальний Восток. В конце года нашу армию расформировали. Многие части стали перебрасывать на Запад. В их числе и наш полк. И нам прямо говорили, что будем воевать с немцами. Когда? Вот будет потеплее, тогда и начнём. Замечу кстати, что решение о переброске войск с востока на запад приняло высшее руководство страны во главе со Сталиным уже в 1940 году. Значит, были серьёзные соображения насчёт возможной войны с Японией. Такую возможность, очевидно, исключили. Иначе Сталин не пошёл бы на такое ослабление дальневосточной армии. И разведка (включая Зорге) тут не столь уж важную роль играла.

Когда эшелоны с дальневосточной армией ползли на запад, в западной прессе, надо думать, появились об этом сообщения, поскольку появилось опровержение ТАСС этих «клеветнических слухов» (7). И это — не просто некое коварство, а обычное явление в такого рода сложном и грандиозном процессе мирового и эпохального масштаба. Важно то, что мы ехали на войну!

Оказавшись на западной границе, мы уже нисколько не сомневались в неизбежности войны. Мы, конечно, ещё не представляли, какой трагедией она окажется. Помню, что мы даже радовались ей: нас учили, что война с самого начала будет победоносной, причём — на территории врага. У меня появлялись сомнения. Мне приходилось иногда работать в секретном отделе (я умел чертить схемы и знал немецкий язык), так что я знал, какие мощные силы немцев противостояли нам, а у нас были сосредоточены кавалерийские полки и несколько бронетанковых

частей с устаревшими танками и бронемашинами. Однако такие сомнения не западали глубоко в сознание. Я даже сочинял весёлые стихи, в которых были, например, такие слова:

С нашей мощною силёнкой
Мы раздавим, как котёнка,
Всех врагов одним ударом.
В их земле дадим им жару.
С иностранною девицей
Погуляем за границей.

Конечно, в этом был оттенок издевки. Но политруки и «особняки» (сотрудники «органов») её не замечали, и мои шуточки помещались в «Боевых листках» (армейских стенных газетах).

В середине июня 1941 года наши части инспектировал генерал армии Жуков (не помню, какой пост он тогда занимал (8)). Я был дежурным по казарме. Казарма наша тогда была в таком отличном состоянии, что Жуков воскликнул: «Война на носу, а они тут как на курорте устроились!» На другой день нам выдали «смертные медальоны» — пластмассовые капсулы, в которые мы всовывали бумажки с нашими личными данными, включая группу крови. Вскоре (кажется, это было 19 июня) мы покинули казармы и вышли на боевые позиции полностью вооружённые, с танками и бронемашинами, готовые к сражению. Ночь провели в поле, ожидая приказа о наступлении. А утром вернулись в казармы, сдали снаряды на склад, машины поставили в парк, орудия и пулемёты даже законсервировали (смазали толстым слоем смазки). К вечеру командный состав выехал из частей на командные учения.

Как оценивать такую ситуацию? Если вырвать её из контекста большой истории, то оценка напрашивается такая: глупость, вредительство. Но если принять во внимание вполне обоснованное стремление высшего руководства оттянуть начало войны во что бы то ни стало, то это будет выглядеть как одно из трагических событий, избежать которых можно лишь в воображении тех, о ком говорил Шота Руставели.

ПОРАЖЕНИЯ НАЧАЛА ВОЙНЫ

Эти поражения общеизвестны. О них имеется необъятная литература, и оценка их колеблется в довольно узких пределах. Я, однако, позволю себе выйти за эти пределы.

Во-первых, такие поражения были неизбежны. Может быть поменьше, но всё-таки большие. Надо принимать во внимание общую готовность Германии к войне, опыт её армии, сильнейшее желание воевать и захватить территорию нашей страны.

Что бы Советский Союз не предпринимал в рамках возможностей тех лет, он просто не мог бы остановить напор врага такой силы без больших потерь. И ещё не известно, как развернулась бы война, если бы немцев удалось остановить в первые же дни и без больших потерь. К тому же немцы просто не начали бы войну именно в такое время и в таком виде, если бы Советский Союз подготовился именно так, как думают разоблачители сталинской стратегии.

Во-вторых, были и бои, причём — очень серьёзные. Мне пришлось в Германии во время моей вынужденной эмиграции (после 1978 года) встретить бывшего офицера гитлеровской армии, воевавшего на том участке фронта, где и мне довелось побывать (под Оршей). Он вёл дневник и уже в конце июня 1941-го после одного из боев с отступавшей русской армией записал, что войну Германия проиграет.

В-третьих, поражения многому научили советское руководство, командование и вообще большое число советских людей. Произошел глубокий перелом в состоянии страны, в организации всех аспектов жизни, в самой действующей армии. Результатом этого перелома явилось то, что немцев всё-таки остановили. Они понесли большие потери. И самая главная победа наша в этот период — провал немецкой идеи блицкрига. Блицкриг был сорван. Это посеяло в самой Германии сомнение в успешном исходе войны, а у многих — даже уверенность в том, что война заведомо проиграна. А кто измерял степень важности этого фактора

в войне?! Мы навязали немцам затяжную войну, которая не входила в их расчёты, которую они не умели (во всяком случае, умели хуже, чем мы) вести.

Наконец, именно такой ход событий предвоенных лет и начала войны привлек симпатии сотен миллионов людей на планете (особенно — на самом Западе) к нашей стране. Они сыграли в ходе войны настолько значительную роль, что она с лихвой компенсировала наши неудачи в начале войны. Как говорится, нет худа без добра.

ХОД ВОЙНЫ

Война длилась почти четыре года. Для мирной жизни — срок мизерный. А для такой тотальной войны, захватившей всё население страны во всех важнейших аспектах жизни, это срок огромный. Для тех, кто жил в те годы, она тянулась бесконечно медленно. Хотя о ней написано очень много, настоящее научное исследование её мне не встречалось. Толстые многословные книги, напищенные всякого рода фактической информацией и безответственным словоблудием по её поводу, появлялись и появляются до сих пор в изобилии. Но просматривая их, я даже в самых приличных из этих книг не находил описания той реальной войны, которая составляла часть моей жизни и жизни всех окружавших меня людей.

В годы войны и первое время после её окончания я довольно много сочинял стихов и прозы на военные темы. Но публиковать это всё было невозможно. И даже обнаружение своего авторства в тех случаях, когда результаты моего творчества как-то «расползались» (слово «распространялись» тут было бы преувеличением), было опасно. Например, стихотворение «Тост», написанное по поводу тоста Сталина на банкете в Кремле в честь победы (9), я сочинил экспромтом сразу после этого события (оно было опубликовано в книге «Светлое будущее» лишь в 1978 году на Западе). Его записал мой друг, к счастью — печатными буквами. Его прочитали и другие офицеры. Естественно, кто-то донёс

в «органы» — тогда это было обычным делом. «Органы» больше месяца пытались найти автора. Если бы нашли, то наверняка я получил бы за него самое суровое наказание. Этот репрессивный аспект тех лет описан достаточно детально в бесчисленных книгах. Я его не отрицаю, но думаю, что он описан весьма односторонне, тенденциозно и с большим преувеличением. Считаю очень важным отметить, что в годы войны в довольно широких кругах советских людей, особенно — служивших в армии (а армия тогда насчитывала более десяти миллионов!), зародились умонастроения, которые в послевоенные годы стали основой десталинизации. А тогда они воспринимались как враждебные.

Из того, что я тогда сочинял о реальной войне, как я её наблюдал и переживал сам, сохранилось очень мало. Приведу в качестве примера отрывок из одного стихотворения тех лет:

Я знаю, что война — не карнавал,
А голод, холод, тяжкие мученья.
Но всё же и в походе есть привал,
И на войне бывают приключения?
Бывают. Если, сытого сытей,
Ты в безопасности в стратегию играешь
И за счёт неслучивших смертей
Ордена и славу огребаешь.
Если при хлебах в тылу притих
Если — в штаб пристроившийся сука,
А для миллионов всех других
Война есть одуряющая скука.
Штурм, атака, — это для юнца.
Это — для газет и для экрана.
Война есть ожидание конца.
Души незаживающая рана.
Банальна суть. Убитые молчат.
Живой пройдоха подвиг превозносит.
Случайно уцелевшие ворчат,
Их вспоминать давно никто не просит.
Не чувствуя за прошлое вины,
Плетут начальники военную науку.
И врут писатели романтику войны,
Очередную одуряющую скуку.

Но то, о чём я сказал выше, составляло лишь частичку жизни тех лет. Это нисколько не снижает огромных масштабов войны и её социальной значимости. Тот факт, что я не мог реализоваться как писатель, меня нисколько не волновал. Более того, я даже переживал это как нечто положительное, поскольку это позволяло сконцентрироваться на самом главном для меня деле: на стремлении понять советское общество на научном уровне, а военный период позволял наблюдать его почти что в лабораторно чистом виде. И несмотря на моё критическое отношение к нему (а может быть — благодаря ему) и несмотря на мой антисталинизм, уже тогда (в середине 1940-х годов) я пришёл к следующим выводам.

ОЦЕНКА ВОЙНЫ

Отечественная война 1941–1945 годов была частью Второй мировой войны. Последняя была социально неоднородной. Она содержала в себе два типа войн: 1) войну социально однотипных стран Запада и Японии за передел мира (империалистическую войну в ленинском смысле); 2) войну между странами с различными социальными системами — между капитализмом и коммунизмом. Война гитлеровской Германии против Советского Союза была по своей социальной сущности попыткой стран Запада разгромить коммунистическое общество в Советском Союзе. Причём это не была война одинаково виновных с точки зрения её развязывания контрагентов. Инициатива исходила со стороны Запада хотя бы по той причине, что Советский Союз к войне подготовиться не успел. Западные страны (Англия, США и Франция в первую очередь) хотели разгромить Советский Союз руками Германии, измотав в войне и Германию. Эта война, таким образом, была войной не империалистической в ленинском смысле, а социальной. Она была фундаментальной частью Второй мировой войны. Советский Союз одержал в ней победу.

Эта социальная война показала превосходство коммунистического социального строя над капиталистическим (западнистским по моей терминологии) во многих отношениях, показала его

способность выдерживать трудности и катастрофы эпохального и глобального масштаба. В результате победы коммунизм стал распространяться по планете. Советский Союз стал превращаться в мировую сверхдержаву, способную бороться с западным миром за направление будущей эволюции человечества.

Возьмите только один такой факт. Германия и её враги, западные страны, с какой военной техникой начали войну, с такой и закончили. Прогресс был незначительный (10). Атомная бомба не в счёт, для разгрома Японии в ней никакой надобности не было. Советский Союз за труднейшие для науки, техники и промышленности годы войны совершил грандиозный взлёт в отношении совершенствования оружия и снабжения им действующей армии. Никакая капиталистическая экономика не была способна на такое. И нечто подобное происходило в других сферах. В Советском Союзе жизнь не замирала в самые, казалось бы, критические моменты. В Германии же жизнь буквально рухнула до основания, как только положение оказалось по тяжести сопоставимым с советским в критические моменты.

УКРАДЕННАЯ ПОБЕДА

День победы Советского Союза над Германией в войне 1941–1945 годов официально объявлен важнейшим национальным праздником России. На первый взгляд, это вроде бы стоит приветствовать. Но как истолковывается эта победа и как конкретно осуществляется это признание и празднование? Из этой войны и из нашей победы выхолащивается самое главное, а именно — их социальная сущность и характеризующие их конкретные факты истории. Официально и в средствах массовой информации говорят о некой абстрактной России, а не о России советской, не о Советском Союзе. А если об этом аспекте что-то и говорится, то как о чем-то второстепенном или негативном. Имя человека, без которого немислима эта победа в величайшей в истории войне, — имя Сталина, — либо не упоминается совсем, либо преподносится так, будто победили вопреки ему, а он якобы лишь мешал,

делал ошибки и совершал преступления. Говорят, что победу одержал некий абстрактный народ.

Да, войну вёл и одержал победу народ. Но не просто какой-то абстрактный народ, а народ советский. Подчёркиваю: советский! А советский народ — это народ, совершивший в 1917 году величайшую в истории человечества социальную революцию. Народ, ставший первооткрывателем нового пути социальной эволюции, качественно отличного от всего того, что до этого знала мировая история. Народ, построивший коммунистический социальный строй, оказавший влияние на ход всей мировой истории. Народ, коммунистически образованный и воспитанный. Народ, возглавлявшийся коммунистической партией и высшим руководством во главе со Сталиным. Это — исторический факт, игнорирование которого означает преднамеренную фальсификацию истории.

Бесспорно, в победе сыграл роль сложный комплекс исторических факторов, включая способность русских терпеть самые трудные условия жизни, патриотизм, помощь со стороны стран Запада и другие. Однако главным (решающим) фактором победы был советский (коммунистический) социальный строй и возглавлявшееся Сталиным руководство страны, включая военное руководство. Какими бы недостатками они ни обладали на самом деле и какие бы недостатки ни приписывали им антикоммунисты и антисоветчики, войну выиграла прежде всего советские коммунисты во главе со Сталиным. В годы войны и в послевоенные годы этот исторический факт был бесспорным даже для самых заклятых антикоммунистов и антисоветчиков. Это — именно исторический факт, подобный тому факту, что войну проиграли прежде всего немецкие национал-социалисты во главе с Гитлером. Игнорирование этого факта и искажение его означает бесстыдную идеологически-пропагандистскую ложь, средство оглушения масс российского населения в угоду тем категориям россиян, которые осуществили антикоммунистический переворот и наживаются на нем, и тем силам Запада, которые сразу же после нашей победы начали новый этап войны против нашей страны, получивший название «холодной войны».

А на Западе вообще нашей стране отводят второстепенную роль в победе над гитлеровской Германией, присваивая заслугу

победы почти полностью (по крайней мере — в главном) себе. Конечно, страны Запада внесли свой вклад в победу над Германией, они помогли нашей стране выстоять и разгромить агрессора. Но ведь они это сделали не из любви к русскому коммунизму. Они вели борьбу против нашей страны с первых же дней её существования в качестве страны строящегося коммунизма. Они приложили титанические усилия к тому, чтобы направить гитлеровскую экспансию на Советский Союз. Стать союзниками Советского Союза их вынудили исторические обстоятельства, включая внутренние конфликты в самом западном мире. Но решающим фактором в том, что они открыли «второй фронт» против Германии, стали победы советской армии, не оставлявшие никакой надежды на Западе на поражение Советского Союза. Более того, тут сыграл роль страх того, что советская армия и без участия западных союзников добьёт гитлеровскую Германию и захватит всю Западную Европу. Союзники открыли «второй фронт», спасая самих себя от угрозы победы коммунизма во всей Европе. И надо признать, что основания для этого в те годы были достаточно серьёзные. Одним словом, победу в величайшей в истории человечества войне украли у тех, кто на самом деле вынес на себе все тяготы войны, кто понес самые большие потери, кто проявил самое большое терпение и мужество, кто вложил в дело победы самый высокий и гибкий интеллект.

Согласно официальной российской концепции, война 1941–1945 годов против Германии была освободительной и отечественной, россияне сражались за Родину. Согласен. Но за какую Родину — вот в чём вопрос. В годы войны ни у кого в мире (за редким исключением) не было на этот счёт никаких сомнений: подавляющее большинство советских людей сражалось за советскую (подчеркиваю — советскую!) Родину. Ко времени начала войны советский (коммунистический) социальный строй стал для большинства граждан Советского Союза привычным образом жизни. И отделить его от массы населения было просто невозможно практически. Хотели люди этого или нет, любая защита ими себя и своей страны означала защиту нового социального строя. Россия и коммунизм существовали не наряду друг с другом, а в единстве. Подавляющее большинство активно действо-

вавших граждан идентифицировали себя прежде всего как советских людей. Разгром коммунизма в России был для них равносильен разгрому самой России. В ходе войны это чувство укреплялось как один из фундаментальных компонентов практически массовой идеологии. Даже те, кто понимали недостатки советского социального строя и относились к нему критически (порою — даже враждебно), ценили его достижения и понимали, что агрессоры несли угрозу их потери. Так что слово «патриотизм» тут не отражает фактических умонастроений советских людей достаточно адекватно.

Победа сталинского (именно сталинского!) Советского Союза над гитлеровской (именно гитлеровской!) Германией в 1945 году означала победу коммунистической линии социальной эволюции человечества над капиталистической (западнистской). Она завершила первый этап эпохальной социальной (!) войны западного мира (западнизма) против коммунизма. Сразу после неё начался второй этап её, получивший название «холодной» войны. Он закончился в конце XX столетия капитуляцией Советского Союза перед Западом. В комплексе факторов, определившем это поражение, решающую роль сыграл разгром советского (коммунистического) социального строя. Запад взял реванш за своё поражение в 1945 году. Победители в «холодной войне» развернули тотальную фальсификацию советской истории, украв при этой у победителей в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов величайшую победу в истории «горячих» войн.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В начале войны в один из моментов, когда моя жизнь могла оборваться, я сочинил стихотворение, в котором были такие слова:

Пусть будет бесконечный бой!
Пусть будет как угодно плохо!
Я всё равно останусь твой,
Родившая меня эпоха.

Я благодарен Судьбе за то, что родился и прожил большую часть жизни в ту советскую эпоху, самую мрачную и самую светлую, самую жестокую и самую великодушную, самую низкую и самую возвышенную. Мне нестерпимо больно от того, что пришлось стать свидетелем её трагической гибели.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В знаменитой фразе Бисмарка речь идёт о преимуществах прусской образовательной и воспитательной системы над французской, а отнюдь не о непосредственном участии учителей в войне.

2. На 22 июня 1941 года в войсках находились 967 танков «Т-34» (для сравнения: в вермахте на момент начала наступления было около 1650 средних танков), однако многие из них не имели обученных экипажей и к ним зачастую отсутствовало дизельное топливо. В результате многие машины были взорваны при отступлении, ни разу не вступив в бой (*прим. редакции*).

3. Штурмовик «Ил-2» был принят на вооружение РККА и серийно выпускался с апреля 1941 года. 22 июня 1941 года в приграничных военных округах находились 18 штурмовиков, однако для них не было подготовленных летчиков (*прим. редакции*).

4. Помимо указанных автором устаревших истребителей на вооружении ВВС РККА к 22 июня 1941 года находились «Як-1», «МиГ-1», «МиГ-3» и «ЛАГТ-3», вполне способные противостоять немецким истребителям. Всего на начало войны в ВВС РККА у западных границ находились 1317 боевых самолетов современных типов (*прим. редакции*).

5. В 1937 году директор Реактивного научно-исследовательского института, где к этому времени практически завершилась доводка реактивных снарядов «РС-82 мм» и «РС-132 мм», ставших основой реактивного миномета «Катюша», И.Т. Клейменов и главный инженер РНИИ Г.Э. Лангемак были арестованы по абсурдным обвинениям и расстреляны. Вместе с ним была репрессирована группа ведущих сотрудников института, в том числе С.П. Королев и В.П. Глушко. В результате советское ракетостроение, ранее опережавшее немецкое, оказалось разгромлено, и до конца Великой Отечественной войны СССР не удалось создать ни ракету типа «Фау-2», ни воздушного-реактивный двигатель (*прим. редакции*).

6. Автор упускает из виду то обстоятельство, что репрессиям подверглись тысячи людей, не участвовавших ни в каких террористических группах. По официальным данным, только в период 1937–1938 года к высшей мере наказания были приговорены 681 692 человека (*прим. редакции*).

7. В тексте заявления ТАСС от 13 июня 1941 года говорилось: «ТАСС заявляет, что: 1) Германия не предъявляла СССР никаких претензий и не предлагает какого-либо нового, более тесного соглашения, ввиду чего и переговоры на этот предмет не могли иметь места; 2) по данным СССР, Германия так же неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы, а происходящая в последнее время переброска германских войск, освободившихся от операций на Балканах,

в восточные и северо-восточные районы Германии связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям; 3) СССР, как это вытекает из его мирной политики, соблюдал и намерен соблюдать условия советско-германского пакта о ненападении, ввиду чего слухи о том, что СССР готовится к войне с Германией, являются лживыми и провокационными; 4) проводимые сейчас летние сборы запасных Красной Армии и предстоящие манёвры имеют своей целью не что иное, как обучение запасных и проверку работы железнодорожного аппарата, осуществляемые, как известно, каждый год, ввиду чего изображать эти мероприятия Красной Армии как враждебные Германии по меньшей мере нелепо» (*прим. редакции*).

8. В январе–июле 1941 года Г. К. Жуков был начальником Генерального штаба — заместителем наркома обороны СССР.

9. 24 мая 1945 года на приёме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии И. В. Сталин поднял тост «за здоровье нашего Советского народа и, прежде всего, русского народа... за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза» (*прим. редакции*).

10. За годы войны в Германии были созданы и запущены в серийное производство танки Pz. VI «Тигр» и Pz. V «Пантера», истребители танков «Фердинанд», «Ягдтигер» и «Ягдпантер», истребители-бомбардировщики «FW-190», истребители «Me-262» с турбореактивным двигателем, беспилотные самолеты-снаряды «Фау-1», баллистические ракеты «Фау-2», а также множество других образцов вооружений. Об эффективности германской промышленности свидетельствует хотя бы тот факт, что с 1940 года выпуск бронетанковой техники в Германии ежегодно увеличивался почти вдвое, достигнув максимума в 1944-м. Создавались новые вооружения и в странах антигитлеровской коалиции (достаточно назвать знаменитый американский бомбардировщик «В-29»), и в Японии (*прим. редакции*).

*Бернхард КЪЯРИ**

МИФОЛОГИЗАЦИЯ ВОЙНЫ

Присутствие Второй мировой войны в исторической памяти народов бывшего СССР объясняется страшными разрушениями, вызванными немецкой оккупацией (1). С 1941-го по 1944 год Россия, Белоруссия и Украина были объектом экономической эксплуатации и целью далеко идущих планов заселения и «германизации», ареной «окончательного решения еврейского вопроса», местом охоты на подневольных рабочих и театром «партизанской войны», приобретающей масштаб настоящих военных действий. В ходе акций возмездия и уничтожения части СС и вермахта, полиция и так называемые полицаи (местная вспомогательная полиция) истребляли население целых районов (2).

Наряду с этим в оккупированных деревнях и городах боролись друг против друга те, кто выиграли и проиграли от советизации, пытаясь обеспечить себе место в казавшейся неизбежной системе немецкой оккупации. Во время оккупации многие жители примирились с новой ситуацией. Они служили оккупационной власти в качестве бургомистров в местной вспомогательной администрации, возглавляли сельскохозяйственные предприятия, были полицейскими и охранниками гетто или пытались по меньшей мере обеспечить жизнь себе и своим семьям, выполняя распоряжения немецких властей. Тем самым они, чем дальше — тем больше, оказывались по разные стороны невидимых фронтов, разделявших оккупированные области (3). К примеру, на территории БССР друг с другом боролись не только немецкая армия и постепенно усиливавшееся советское партизанское движение, но и другие группировки, вроде польской Армии Крайовой, конку-

* Кьяри Бернхард — руководитель отдела Института изучения военной истории (Потсдам, Германия), доктор наук.

рировавшие за сферы влияния и возможности снабжения и каравшие «предателей» (4).

Наряду с внутренними и внешними разрушениями, вызванными войной, существует и другая причина, которая обуславливает центральное место Второй мировой войны в коллективной памяти народов бывшего Советского Союза. Речь идёт о легитимации политического руководства.

Так, например, известно, что за сопротивление, которое «белорусский народ» в годы «Великой Отечественной войны» оказал германскому фашизму, Белоруссия в послевоенные годы была удостоена почётного звания «партизанской республики». Минск стал городом-героем. Миф о «народной войне», в ходе которой белорусское партизанское движение, мужчины и женщины, под руководством Коммунистической партии изгнали немецких оккупантов, стал центральной составной частью послевоенной белорусской идентичности (5).

Ввиду огромного урона, нанесённого войной, после освобождения в 1944 году произошла полная реорганизация общественных и экономических структур. При этом советское руководство в результате окончательного установления границ, а главное, посредством «репатриации» польского населения, создало здесь единое русифицированное государство. Внутри Советского Союза БССР быстро превратилась в образцовую в экономическом отношении республику. В соответствии с официальной интерпретацией, хотя героизм был проявлен и жертвы принесены на белорусской земле, сделано это было *советскими* защитниками Родины. Национальному вкладу в спасение Родины — применительно к белорусам, страдавшим, боровшимся или отдававшим свои жизни в этой войне, не говоря уже о поляках и евреях — отводилась подчинённая роль. Те, кто не бежали, а пережили годы войны в условиях немецкого господства, оказались под коллективным подозрением и в отдельных случаях были наказаны как коллаборационисты и «предатели родины». Соответствующие советские органы преследовали также отклонения от официальной концепции наднациональной «народной войны» (6).

Эта героическая картина запечатлелась в памятниках, мемуариалах, необозримом множестве публикаций, в фильмах и произведениях изобразительного искусства. К числу наиболее известных

советских символов Второй мировой войны относятся, например, картина П. А. Кривоногова «Защитники Брестской крепости» (1951); сделанная в 1941-м надпись на стене Брестской крепости «Умрём, но из крепости не уйдём», ставшая известной в многочисленных репродукциях; плакат «Родина-мать зовёт», созданный И. М. Тоидзе в том же 1941 году. На часто воспроизводимой фотографии с надписью «Мы партизаны, стрелявшие по германским солдатам», сделанной в октябре 1941-го, показаны трое гражданских лиц перед казнью. Фотография Зои Космодемьянской, повешенной 29 ноября 1941 года в деревне Петришево, история гибели которой недавно вызвала дискуссию в России, воплощает стереотип героини, «женщины-патриотки, борющейся с оружием в руках». Жестокость немецких войск по отношению к гражданскому населению и подвиги советских партизан запечатлены на фотографиях «Мать и дочь оплакивают павшего партизана», «Немецкий эшелон, пущенный под откос советскими партизанами», картине «Партизанская мадонна» М. А. Савицкого (1967). Символами именно советского характера победы стали знаменитая фотография «Церемониальный марш сводных полков фронтов на Красной площади (Москва, 24 июня 1945 г.)» и многочисленные мемориалы.

Характер воспоминаний о Второй мировой войне после распада СССР в 1991 году стал меняться, но очень медленно. Так, белорусское национальное движение, усиленное Чернобыльской катастрофой и обнаружением массовых захоронений жертв сталинских расстрелов в Куропатах, набрало летом 1991 года максимальную силу, насчитывая около 150 000 сторонников. Вскоре, однако, обнаружилось, что большинство людей в Белоруссии не хотели отказываться от безопасности и стабильности в составе Советского Союза (7). Исследование «неизвестной войны» и обсуждение её проблем началось лишь исподволь и до сего дня требует как от историков, так и от публицистов, не только преодоления давно усвоенных стереотипов, но и немалой степени гражданской смелости. Предметом рассмотрения становятся отдельные новые темы и вопросы — например, гражданская война партизан против сталинизма, роль и возможности националистических коллаборационистов, повседневная жизнь в безвыходной ситуации между фронтами, большей частью не воспринимавшаяся

вовне как нечто героическое, Холокост или изменившаяся роль женщин (8).

Для значительного большинства людей изгнание оккупантов оставалось великим деянием ВКП(б), даже если сегодня всё чаще говорят о русских, украинских, белорусских, а не о советских партизанах. Воспоминание о советском Сопротивлении объединяет людей. Оно сильнее образов национальной истории, которыми с конца 1980-х оперировали национальные движения в бывших советских республиках. Образ «партизанской республики» и по сей день выполняет свою функцию в процессе поиска идентичности. Это понятие наряду с ощущением перенесённого страдания передаёт чувство гордости и особости. Многослойные события и огромные жертвы сводятся к простой линейной формуле. Героические оборонительные бои против превосходящих сил противника, моральное превосходство, дух самопожертвования и прежде всего презрения к смерти, которым было пронизано партизанское движение, изнурявшее немецкие оккупационные власти и мешавшее им достигать своих целей, превратились в миф.

ЦЕНА ПОБЕДЫ: ВНУТРЕННИЕ РАЗРУШЕНИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА НА ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

Учитывая чудовищные масштабы как расистской истребительной войны против СССР, так и Холокоста, историки десятилетиями не осмеливались ставить многие вопросы. Имелись ли на оккупированных территориях СССР наряду с эксплуатацией, террором и геноцидом какие-то начатки сосуществования властителей и подвластных? Не распадается ли при более пристальном взгляде картина, формированию которой с 1945 года способствовали миллионы индивидуальных воспоминаний о войне, на бесконечное множество отдельных историй, разыгрывавшихся на разных сценах и оказавшихся убедительными наряду с более яркими линиями развития истории и широкомасштабными событиями? Как велико было во время войны казавшееся поначалу непреодо-

лимым расстояние между жертвами и палачами, между властителями и подвластными? В каких сферах имелись пространства контактов, а то и временные совпадения интересов? Существовали ли политические или экономические структуры, создававшие общность между представителями немецкой оккупационной власти и людьми на оккупированных территориях? Чего ожидали советские люди от немцев летом 1941 года? Может быть, после лет сталинского террора они даже связывали какие-то надежды со сменой власти? (9)

При осмыслении Второй мировой войны в центре внимания среди местного населения оказывались прежде всего люди, вовлеченные в преступления немецких властей. Понятие «коллаборационизм» (10), которое в октябре 1940 года маршал Филипп Петэн применил для характеристики сотрудничества неоккупированной Франции с национал-социалистской Германией, во время войны приобрело крайне уничижительное значение сотрудничества с врагом. Слово «коллаборационист» стало синонимом предателя. Развернувшаяся с тех пор научная дискуссия вписала это понятие в более широкий контекст, а отчасти в принципе поставила его под вопрос (11). В оккупированном Советском Союзе существовали самые различные формы сотрудничества, нестабильное равновесие между добровольностью и принуждением и не в последнюю очередь — различные мотивы субъектов. Мотивы эти простирались от политических и национальных убеждений, «эгоистических побуждений», опыта сталинского времени и советизации до надежды «как-то выжить в жестоких условиях оккупации» (12).

На оккупированных территориях Советского Союза повсюду наличествовало принуждение к сотрудничеству (например, при исполнении требований оккупационных властей о поставках), но имелись и соответствующие стимулы (13). Сотрудничество варьировалось от службы в айнзатцгруппах или полиции и вермахте, местных коммунальных управлениях до повседневного или «мягкого» сотрудничества переводчиков или уборщиц. Его нельзя было с самого начала уподоблять согласию «коллаборационистов» с преступлениями и террором.

Оккупационные власти соглашались на предложения сотрудничества в той мере, в какой это представлялось им выгод-

ным. Использование помощников из местного населения позволяло немецкому командованию «устраняться и экономить собственные силы» (14) в такой же мере, в какой война вовлекала правящие круги и армии стран, союзных Германской империи, в концепцию «жизненного пространства» и расизма. На оккупированных территориях действовали многочисленные немецкие военные и гражданские учреждения, которые не были бы работоспособны без поддержки сотрудников из местного населения. Это касалось штабов гражданского управления, экономических служб уполномоченного по четырёхлетнему плану, воинских соединений и штабов и даже полиции и аппарата безопасности, возглавляемого Генрихом Гиммлером, а также местного персонала немецких айнзацгрупп (15). Обрисованное многообразие больше соответствует понятиям «кооперация» и «сотрудничество», коль скоро при характеристике описанных явлений не приходится исходить из наличия осознанного решения о поддержке преступных мер, означавших эксплуатацию и террор.

Немецкое общество времен войны в многообразных формах проникало на оккупированную территорию или находилось в сложной связи с нею. Иностранные рабочие из Советского Союза приносили с собой в Германию помимо стереотипов поведения и организационных форм, сложившихся под воздействием сельского образа жизни, и свои знания реального воздействия немецкой оккупационной политики. В ограниченной степени, несмотря на немецкую цензуру, до семей в оккупированном СССР вновь и вновь доходили сообщения о жизни их родственников в Германии. Немцы и солдаты других армий в письмах, отправлявшихся по полевой почте, часто на удивление подробно сообщали о жизни на оккупированных территориях (16).

Представители других национальностей, служивших в полиции, СС и вермахте, были непосредственно вовлечены в немецкие военные и полицейские структуры. Вербовка добровольцев часто превращалась в принудительное рекрутирование. Границы между добровольностью и принуждением, а тем самым и мотивации тех, кого затрагивали соответствующие меры, были подвижны. Лояльность формировалась, преодолевая национальные границы, и в соответствии с теми же механизмами, которые срабатывали и в немецких подразделениях и соединениях. Оккупа-

ционная власть предлагала рабочее место, жилье и пропитание; немецкое начальство обещало вознаграждение отличившимся приспешникам. Служба в полиции или администрации открывала возможности для социального и личного продвижения. В военных условиях это означало возможность улучшения жизни для всех жителей оккупированных территорий, в том числе для проигравших от советизации и находившихся на положении изгоев в «старом» Советском Союзе. Полицейские и другие местные представители оккупационной власти требовали от своих соседей того уважения, к которому они напрасно стремились раньше. Форма и знаки различия, часто носимые незаконно по немецкому образцу, а также всякого рода отличия были и для местного населения действенной мотивацией для службы немцам. Многие местные полицейские выполняли свои обязанности в боях и в качестве начальников так, как того хотели от них немцы.

Рекрутирование рабочей силы и солдат связывало немецкое военное общество и подвластные Германии территории общими механизмами регулирования, системами вознаграждения и пропагандистской картиной «новой Европы». Вербовка, обязательства или принудительное рекрутирование оказывали непосредственное воздействие на социальную структуру оккупированных территорий. Если оставить за скобками расистскую ориентацию, то часть местного населения, готовая к сотрудничеству (17) (полицейские, военнослужащие СС ненемецкого происхождения, иностранные рабочие, члены различных фашистских организаций, местные сотрудники органов самоуправления, а также сотрудники немецких гражданских и военных учреждений или крестьяне, «готовые выполнять поставки», то есть выплачивавшие дань, наложенную оккупационными властями), были интегрированы в общество «рейха» (18).

Немецкие власти в оккупированном Советском Союзе разрушили все надежды местного населения на обретение места партнера в «новой Европе» Адольфа Гитлера. Они повергли людей в шок эксплуатацией, подавлением, террором и массовыми убийствами (19). И тем не менее они вовлекли в немецкое общество времен войны периферию Германской империи, в высшей степени неоднородную с этнической, языковой и культурной точек зрения. Ценой выживания в условиях немецкого господ-

ства и последующей советской победы стала действительная или мнимая компрометация жителей оккупированных территорий самим фактом немецкой оккупации и, как следствие этого, разрушение общественных структур во время войны и после освобождения.

НАСИЛИЕ И ОПЫТ НАСИЛИЯ. НЕМЕЦКОЕ ГОСПОДСТВО В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ КАК ЧАСТЬ «КОНТИНУУМА КРИЗИСА»

В Восточной Европе польское подполье (Армия Крайова), балтийские вооружённые формирования (например, «Железный волк» в Литве или «Перконкруст» в Латвии), Украинская повстанческая армия (УПА) и даже рекламировавшееся советской стороной в качестве «народного» партизанское движение представляли не «народы», а национальные элиты, отстаивали определённые политические интересы или были частью централизованно руководимого движения Сопротивления. Их поддержка со стороны местного, большей частью многонационального, населения, не отличалась постоянством. В ходе войны степень этой поддержки сильно изменялась, с одной стороны, под воздействием немецкой оккупационной политики и неудач вермахта, с другой — под воздействием как надежды на освобождение Красной Армией, так и страха перед наказанием коллаборационистов-«предателей» после прихода советских войск.

Изменение перспективы изучения истории в направлении обращения к истории оккупированных территорий дополняет обычную постановку вопроса об истребительной войне на Востоке, мотивируемой расистской идеологией (20). История *эпохи* мировых войн воспринимается как «континуум кризиса» (*Литер Холквист*). Здесь имеет решающее значение предшествующий опыт жителей Восточной Европы. Без него нельзя объяснить тот отклик, который нашло на оккупированных территориях насилие, практиковавшееся здесь полицией и вермахтом. Некоторые представители местного населения интерпретировали немецкие жес-

токости против евреев, коммунистов или национальных групп как «наказание» за противоправные деяния, совершенные в прошлом в отношении их самих (21). Предпосылки немецкой оккупации вытекали из практики советского господства до 1939–1941 годов и из существования тех полей напряжения, которые доминировали в Восточной и Центральной Европе в межвоенный период. История немецкого господства — это рассказ о принуждении, терроре и разрушении, но вместе с тем — и история разочарованных надежд, которые поначалу связывались с вступлением немецких войск в странах Балтии, а также на территориях Восточной Польши, подвергшихся советской оккупации в 1939 году. Наряду с теми, кто с самого начала отвергал эксплуатацию, расстрелы и антисемитскую политику, были и группы населения, которые оккупационная власть смогла использовать в своих поисках помощников из числа местного населения. Спектр реакции на немецкое господство на местном уровне даже в оккупированных промышленных районах Советского Союза простирался от бескомпромиссного сопротивления до восторженной поддержки. На оккупированных территориях в условиях немецкого террора складывалась собственная жизнь, характер которой весьма разнился в разных регионах (22).

История СССР в границах 1941 года, если говорить о межвоенном периоде, включает в себя наряду с историей советизации и сталинизма, и историю национальных государств — балтийских и польского, которые оставались таковыми до 1939–1940 годов (23). Немецкое господство в Эстонии, Латвии и Литве опиралось на сотрудничество со стороны национальных элит. Оно сделало возможным новое оживление территориальных конфликтов (например, польско-литовского конфликта из-за Виленского края). В результате проведения административных границ рейхскомиссариатов «Украина» и «Остланд», ориентировавшегося не на границы 1939 года, а на границы Украинской и Белорусской ССР, зафиксировалась та ситуация напряженности, которая возникла там в результате советской аннексии Восточной Польши, населенной поляками, украинцами, белорусами и евреями. В генерал-губернаторстве (24) в распоряжении оккупантов оказалось украинское меньшинство, движимое национальными стремлениями и мечтавшее о независимой, «чистой» в этническом отно-

шении Украине. Национальный сепаратизм проявлялся даже в приверженности наднациональному Советскому Союзу (25). Новые исследования по проблемам сталинизма показывают, как велики оставались, например, на Кавказе сила инерции национальных культур и местных кланов. Желание национального освобождения, самоопределения и религиозной свободы, а также опыт советизации вплетались в ожидания, возлагавшиеся на немецкую оккупационную власть, и часто им сопутствовали обычный оппортунизм, антикоммунизм и антисемитизм.

Внутренние линии фронта углублялись в результате немецкой оккупации, но не были её следствием.

Цель исключения «чужих» служила руководством к действию для правящих кругов балтийских государств и второй Польской республики. История межвоенного периода дала многим национальным группам основания, чтобы после 1941 года воспринимать себя в качестве жертв. Эстония, Латвия и Литва считали своей трагедией утрату собственной государственности, к которой их вынудил Советский Союз. Поляки были в СССР угнетенным меньшинством, с чем-то подобным украинцы и белорусы сталкивались, по их мнению, в восточных областях (*Kresy Wschodnie*) Польши. На Кавказе и в казачьих регионах местное население сетовало на утрату былой самостоятельности и подавление национальных культур (26).

В «старом» СССР политика *коренизации*, проводившаяся сразу после образования Советского Союза, оставляла определённое пространство для традиционного образа жизни. Вскоре, однако, ей на смену пришли жестокая коллективизация сельского хозяйства, превращение кочевых до тех пор народов в оседлые и, наконец, сталинский террор. Многие представители советской бюрократии участвовали в Гражданской войне, которая до 1920 года стоила жизни семи миллионам гражданских лиц (27). Преступные проявления самого худшего свойства были повседневным опытом для населения на всём протяжении 1920-х. Советский Союз в огромных масштабах пользовался правом и способностью осуществлять насилие внутри и вовне (28).

Советская попытка создания современного общества привела во многих сферах к восстановлению традиционной социальной и военной иерархии, к формированию авторитарных форм осу-

ществления власти и не в последнюю очередь — культа личности Сталина. В то же время террор загонял людей в ниши частной жизни. Понимание «государства» советскими гражданами способствовало скорее умеренным формам борьбы, нежели восстанию и сопротивлению (29).

Е.С. Сенявская констатировала, что российскую историю XX века можно понять с точки зрения милитаризации общественного сознания и что в гражданской сфере определяющее значение во многих отношениях также имела психология участников войны (30). И действительно, на протяжении многих лет состояние непрерывной войны внутри страны и против некоммунистического окружения определяло действия партийного руководства (31).

В странах Балтии и Польше 1930-е годы определялись по меньшей мере попыткой национальных государств расширить доминирующее положение титульной нации и подчинить меньшинства соответствующей иерархии (32). В 1939–1940 годах советская оккупационная власть разгромила общественный строй, существовавший в этих странах. Она сменила правящий слой и высвободила мощные эмоции. Вступление немецких войск вызвало насильственные акции среди местного населения. Ненависть к «другим» и поиск «врагов» — и то, и другое имело конституирующее значение для государства и общества СССР, — служили клапаном для освобождения от фрустрации, загнанной вглубь. Жертвами этих эмоций и вызванных ими действий явились, как нередко бывало в истории Восточной Европы, прежде всего евреи (33). Подобные посягательства происходили на глазах представителей оккупационной власти, которая содействовала эксцессам и местным погромам, видя в них начало собственного систематического «решения еврейского вопроса» (34).

Национал-социалистское руководство не сдержало обещаний собственной пропаганды по отношению к так называемым «восточным народам». Тем не менее, надежды и цели покоренных определяли ход оккупации. Чтобы понять это, необходим анализ Второй мировой войны как отрезка «эры мировых войн». Эта эра в СССР длилась до 1950-х годов, когда органы НКВД/МВД разгромили на Украине и в Балтии последние группы национального сопротивления.

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ: ЗАДАЧИ НАУЧНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

В поле напряжения между теоретической дискуссией и полевыми исследованиями немецкая военная история развивается как познавательная наука (35). Военная история изучается на университетских кафедрах и во внеуниверситетских научно-исследовательских учреждениях при тех же условиях, что и другие специальные области исторической науки. Тем временем её границы как с этими областями, так и с историческим исследованием проблем мира, приобрели подвижность. Что касается расширения методического спектра с точки зрения историко-критической работы (история повседневности и военная история, гендерные исследования и т. д.), то здесь осмысливаются или даже инициируются дискуссии общего характера. Война как тема исторической работы стала модой. Достигнутое многообразие делает необходимым размышление о том, в чём заключаются сегодня особые возможности и качество военной истории.

Военная история прежде всего является изучением структур и воздействий вооружённой силы (*Райнер Вольфайль*). Она извлекает пользу из исторических исследований проблем мира, социологии или исследований насилия и выходит далеко за рамки истории войн, которую писали генеральные штабы. Современная военная история задается критическими вопросами не только о ходе военного противоборства, но и о его причинах и о предрасположенности индивидов и групп к феномену коллективного насилия (36). С особенной отчётливостью это обнаруживается на примере Второй мировой войны — например, в тех вопросах, которые затрагивают роль вермахта или других институтов во времена национал-социализма (37).

Современная военная история исследует армию не как «тотальный институт», а как конкретную структуру отношений, функционирующую в зависимости от своих социальных и культурных основ. Существуют взаимоотношения между военной

организацией и социальными отношениями, равно как и между развитием техники и задачами армий или характером выполнения этих задач. Пережитая военная действительность и осмысленный военный опыт являются — например, если сравнить две мировые войны, — важным вкладом в историю общественного развития (38). При этом армия всегда является важным фактором в процессе исследования регионального, сословного или культурно-исторического развития (39).

Следовательно, взаимодействие между военными и обществом вызывает серьёзный познавательный интерес (40). Военная история задается вопросом о том, как «не служившие», пришедшие из гражданского общества, становятся под воздействием армии солдатами, годными к выполнению боевых задач и желающими этого. Представления о человеке и концепции воспитания, характерные для армий, рассматриваются как зеркало тех условий, в которых армии существуют. С помощью методов изучения истории повседневности и истории умственной жизни осмысливается то поле напряжения, которое возникает в армиях, основанных на воинской обязанности, между индивидуальностью солдат и военной регламентацией, которой от них требуют. Военная история исследует явления полного или частичного отказа от военной службы, а с учетом всеобщей воинской обязанности — историю «солдат не по своей воле», которые, может быть, и оказались очарованы военной службой, чувством принадлежности к армии или какому-либо соединению и прошли военную подготовку, но не намерены применять полученные умения на практике (41).

Информацию о военных структурах даёт и история их разрушения. При этом речь идёт не только об изображении процесса разложения, а в конечном счёте — о демонстрации центральных механизмов функционирования армии, которая, если говорить о вермахте, функционировала более или менее бесперебойно даже в безвыходных условиях. Концентрация на крахе 1945 года делает особенно явственными взаимодействия между процессами принятия политических решений, ходом военных операций, экономическими предпосылками ведения войны и отношением как общества, так и индивида к вполне предвидимому крушению нацистской Германии (42).

Возникновение, ход и исход военных конфликтов, в особенности в Европе в первой половине XX века, изображаются в контексте угнетения, эксплуатации и геноцида. Войны как уничтожение в масштабе целых обществ неотделимы от военных операций. Они представляют собой часть борьбы, ставка в которой — победа или поражение и, как было во время Второй мировой войны, сводятся к альтернативе «уничтожение или самоуничтожение» (*Михаэль Гейер*). Задачей военной истории является, например, сравнительный анализ тотальной войны, необходимый для того, чтобы показать, как она развивалась в годы Первой мировой войны и какой облик приобрела в условиях Второй мировой (43).

Наконец, история оккупации всё более обращает внимание, наряду со структурами аппаратов оккупации и эксплуатации, и на историю оккупированных обществ. Именно при исследовании немецкой оккупации в Советском Союзе классическая военная история быстро наталкивается на свои границы. Различные формы связи и взаимодействия между оккупантами и подвластными обществами делают необходимым использование результатов таких научных дисциплин, как история Восточной Европы. Только понимание культурных и национальных традиций этого региона может помочь и пониманию соответствующих обществ с их этнической пестротой и линиями национального, языкового, религиозного или территориального размежевания, едва поддающимися точному определению (44).

В различных исторических контекстах, чем дальше — тем больше, учитывается солдат как часть совокупной системы и индивидуальной борьбы с её структурами (45). В эти контексты вписываются опыт насилия и смерти, остающийся в значительной степени за скобками при классическом исследовании операций, а также ранение и физическое разрушение человека и элементы опасности и боли. Данные обстоятельства долгое время рассматривались в лучшем случае в связи с солдатской «моралью» или «способностью продержаться». Ссылки на стереотипы мужественности также помогают постичь отношения индивида с войной и армией. Как вывод, доведенный до крайности, это явление встречается в исследованиях Кристофера Браунинга, который описывал идеалы мужественности в качестве основного средства,

с помощью которого вполне нормальных отцов семейств удалось сделать пригодными для участия в массовых убийствах в Польше и СССР (46). Вопрос о том, почему в индивидах сформировалась готовность переносить, осуществлять или так перетолковывать насилие, чтобы преступные действия не сказывались на представлении о самом себе, с учетом опыта Второй мировой войны входит в комплекс важнейших проблем дисциплины.

Современная военная история характеризуется значительной широтой постановки вопросов и методологических подходов. Как и в других областях исторической науки, здесь наблюдается тенденция размывания границ дисциплины, выхода за пределы обычного спектра вопросов и методов. С точки зрения этой тенденции важнейшей задачей представляется широкомасштабное включение аспектов, касающихся войны и насилия, в контекст истории общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *C. Gerlach, K. Morde*. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrußland 1941 bis 1944. — Hamburg, 1999.

2. *A. Dallin*. Deutsche Herrschaft in Rußland 1941–1945. Eine Studie über Besatzungspolitik. — Düsseldorf 1958; «Europa unterm Hakenkreuz. Die Okkupationspolitik des deutschen Faschismus (1938–1945)». — Berlin/Heidelberg, 1988–1996.

3. *B. Chiari*. Alltag hinter der Front. Besatzung, Kollaboration und Widerstand in Weißrußland 1941–1944». — Düsseldorf, 1998.

4. Die polnische Heimatarmee. Geschichte und Mythos der Armia Krajowa seit dem Zweiten Weltkrieg. Hrsg. von B. Chiari. — München, 2003.

5. Ср. *П.К. Пономаренко*. Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков 1941–1944. — М, 1986.

6. *N. Tumarkin*. The Living and The Dead. The Rise and Fall of the Cult of World War II in Russia. — N. Y., 1994.

7. *B. Chiari*. Die schüchterne Königstochter. Die Republik Belarus vor der Jahrtausendwende. Versuch einer Annäherung //Halbjahresschrift für südosteuropäische Geschichte, Literatur und Politik. 11 (1999). 2. S.43–54.

8. См., например, *С. Новикаў*. Беларусь у кантэксте германскай гістарыяграфіі Другой сусветнай вайны. — Минск, 2004; *А. Литвин*. Акупацыя Беларусі (1941–1944): пытанні супраціву і калабарацыі. — Минск, 2000; Sowjetische Partisanen in Weißrußland. Innenansichten aus dem Gebiet Baranoviči 1941–1944. Eine Dokumentation. Hrsg. und eingeleitet von B. Musial. — München, 2004.

9. Подробнее см.: *B. Chiari*. Grenzen deutscher Herrschaft. Voraussetzungen und Folgen der Besatzung in der Sowjetunion //Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd 9/2. — München, 2005, S.877–976.

10. *Collaboration* — сотрудничество (франц.) (прим. переводчика).
11. C. Dieckmann, B. Quinkert, T. Tönsmeier. Editorial //Kooperation und Verbrechen. Formen der «Kollaboration» im östlichen Europa 1939–1945. — Göttingen, 2003. S.9–21.
12. А.А. Падерин. Общество и война. Советский Союз //Мировые войны XX века. Т.3. Вторая мировая война. Исторический очерк. — М., 2002. С.466 (см. также С.453–468, 458, 465 и сл.).
13. «Reichskommissariat Ostland». Dokumente zum Völkermord im Baltikum und in Weißrußland 1941–1944. Hrsg. von W. Benz, K. Kwiet, J. Matthäus. — Berlin 1998.
14. H. Umbreit. Die Rolle der Kollaboration in der deutschen Besatzung //Okkupation und Kollaboration (1938–1945). Beiträge zu Konzepten und Praxis der Kollaboration in der deutschen Okkupationspolitik. Zusammengestellt und eingeleitet von W. Röhr. — Berlin, 1994. S.33–44.
15. H. Mommsen. Täter und Opfer — ein Streit um die Historiker //Die Welt. 13.09.2003. S.9.
16. M. Humburg. Das Gesicht des Krieges, Feldpostbriefe von Wehrmachtssoldaten aus der Sowjetunion 1941–1944. — Wiesbaden, 1998.
17. Она обозначалась термином «Hilfswillige», применявшимся оккупационными властями (прим. переводчика).
18. M. Dean. Collaboration in the Holocaust. Crimes of the local police in Belorussia and Ukraine, 1941–44. — Basingstoke, 2000.
19. R.-D. Müller. Hitlers Ostkrieg und die deutsche Siedlungspolitik. Die Zusammenarbeit von Wehrmacht, Wirtschaft und SS. — Frankfurt am Main, 1991.
20. См. подробнее: B. Chiari. Zwischen Hoffnung und Hunger. Die sowjetische Zivilbevölkerung unter deutscher Besatzung //Verbrechen der Wehrmacht. Bilanz einer Debatte. Hrsg. von C. Hartmann, J. Hürter, U. Jureit. — München, 2005. S.133–142.
21. H. Umbreit. Die deutsche Herrschaft in den besetzten Gebieten //Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd 5/2. S.3–272.
22. Holocaust in Litauen. Krieg, Judenmorde und Kollaboration im Jahre 1941. Hrsg. von V. Bartusevičius, J. Tauber, W. Wette. — Köln, 2003; B. Chiari. Alltag hinter der Front. Besatzung, Kollaboration und Widerstand in Weißrußland 1941–1944. — Düsseldorf, 1998; K. C. Berkhoff. Harvest of Despair. Life and Death in Ukraine under Nazi Rule. — Cambridge (Mass.), L., 2004.
23. N. Davies. Im Herzen Europas. Geschichte Polens. — München, 2002; Die baltischen Nationen. Estland, Lettland, Litauen. Hrsg. von B. Meissner. — Köln, 1991.
24. Так в нацистской терминологии называлась формально не присоединённая к «рейху» часть территории Польши (прим. переводчика).
25. The Correspondence of the Ukrainian Central Committee in Cracow and Lviv with the German Authorities 1939–1944. — Edmonton—Toronto, 2000.
26. J. Baberowski. Der Feind ist überall. Stalinismus im Kaukasus. — München, 2003.
27. V. N. Brovkin. Behind the Front Lines of the Civil War. Political Parties and Social Movements in Russia, 1918–1922. — Princeton (N. J.), 1994.
28. P. Wróbel. The Seeds of Violence. The Brutalization of an East European Region, 1917–1921 //Journal of Modern European History. 1 (2003). 1. S.125–148.
29. G. T. Rittersporn. Die sowjetische Welt als Verschwörung //Verschwörungstheorien: Anthropologische Konstanten — historische Varianten. Hrsg. von U. Caumanns, M. Niendorf. — Osnabrück, 2001, S.103–124.
30. E. C. Сенявская. Психология войны в XX веке. Исторический опыт России. — М., 1999.

31. *J. V. Нарский*. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. — М., 2001.
32. Autoritäre Regime in Ostmittel- und Südosteuropa 1919–1944. Hrsg. von E. Oberländer. — Paderborn, 2001.
33. *M. Vetter*. Antisemiten und Bolschewiki. Zum Verhältnis von Sowjetsystem und Judenfeindschaft 1917–1939. — Berlin, 1995.
34. *B. Musial*. «Konterrevolutionäre Elemente sind zu erschossen». Die Brutalisierung des deutsch-sowjetischen Krieges im Sommer 1941. — Berlin, 2000; *C. Mick*. Ethnische Gewalt und Pogrome in Lemberg 1914 und 1941 // Osteuropa. 53. 2003. 12. S.1810–1829.
35. См. подробнее: *B. Chiari*. Militärgeschichte: Erkenntnisgewinn und Praxis // Perspektiven der Historischen Friedensforschung. Frieden und Krieg. Hrsg. von B. Ziemann. — Essen, 2002. S.286–302; *T. Kühne, B. Ziemann (Hg.)*. Was ist Militärgeschichte? — Paderborn, 2000; Militärgeschichte. Probleme — Thesen — Wege. Hrsg. von M. Messerschmidt u.a. — Stuttgart, 1982.
36. *W. Sofsky*. Traktat über die Gewalt. — Frankfurt am Main, 1996.
37. Die Wehrmacht. Mythos und Realität. Hrsg. von R.-D. Müller, H.-E. Volkmann. — München, 1999.
38. Kriegsende 1918. Ereignis, Wirkung, Nachwirkung. Hrsg. von J. Duppler, G.P. Groß. — München, 1999; Militär und Gesellschaft im 19. und 20. Jahrhundert. Hrsg. von U. Frevert. — Stuttgart, 1997.
39. *M. Rogg*. Landsknechte und Reisläufer: Bilder vom Soldaten. Ein Stand in der Kunst des 16. Jahrhunderts. — Paderborn, 2001.
40. *B. Ziemann*. Front und Heimat. Ländliche Kriegserfahrungen im südlichen Bayern 1914–1923. — Essen, 1997.
41. *M. Geyer*. Eine Kriegsgeschichte, die vom Tod spricht // Physische Gewalt. Studien zur Geschichte der Neuzeit. Hrsg. von T. Lindenberger, A. Lütke. — Frankfurt am Main, 1995. S.136–162.
42. *A. Kunz*. Wehrmacht und Niederlage. Die bewaffnete Macht in der Endphase der nationalsozialistischen Herrschaft 1944 bis 1945. — München, 2005; Kriegsende 1945 in Deutschland. Hrsg. von J. Hillmann, J. Zimmermann. — München, 2002.
43. Erster Weltkrieg — Zweiter Weltkrieg. Ein Vergleich. Krieg, Kriegserlebnis, Kriegserfahrung in Deutschland. Hrsg. von B. Thoß, H.-E. Volkmann. — Paderborn, 2002.
44. *D. Beyrau*. Schlachtfeld der Diktatoren. Osteuropa im Schatten von Hitler und Stalin. — Göttingen, 2000; *B. Chiari*. Grenzen deutscher Herrschaft. Voraussetzungen und Folgen der Besetzung in der Sowjetunion // Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd 9/2. — München, 2005. S.877–976.
45. *K. Latzel*. Deutsche Soldaten — nationalsozialistischer Krieg? Kriegserlebnis — Kriegserfahrung 1939–1945. — Paderborn, 1998.
46. *C. Browning*. Ganz normale Männer. Das Reserve-Polizeibataillon 101 und die «Endlösung» in Polen. — Reinbek, 1993.

*Борис СОКОЛОВ**

ЦЕНА ПОБЕДЫ И МИФЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

В российской историографии и обществе наиболее значимыми остаются следующие проблемы, связанные с Великой Отечественной и Второй мировой войной: размер потерь, понесённых Красной Армией и советским населением, сохранение или преодоление советских мифов о войне и особенно болезненные для российского национального самосознания вопросы о том, что несла народам Европы Красная Армия и сталинская внешняя политика, и об оценке преступлений, совершенных красноармейцами в Германии и других странах Европы. Практически все они давно уже перестали быть проблемами науки. В чисто научном плане данные проблемы проблемами уже не являются, поскольку, как я постараюсь показать, они уже достаточно давно решены в тех пределах точности, которые соответствуют современному уровню науки. Но они остаются проблемами как российской внешней и внутренней политики, так и национального самосознания, травмированного распадом СССР и ищущего в героических мифах Великой Победы прибежища от сегодняшних невзгод.

ЦЕНА ВОЙНЫ — В ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЖИЗНЯХ

Вопрос о цене победы в войне до сих пор актуален для миллионов наших сограждан. Героическая история Великой Отечественной войны и сегодня остается сердцевиной мифа об оправданности

* Соколов Борис Вадимович — профессор кафедры социальной антропологии Московского государственного социального университета, доктор филологических наук.

советской модернизации в сталинскую эпоху, который до сих пор поддерживается большинством российских историков, полагающих, что победа Советского Союза над Германией в Великой Отечественной доказала необходимость и эффективность принятой Сталиным модернизации, хотя методы её, вылившиеся в массовые репрессии против широких слоёв населения, заслуживают осуждения. Но для такого вывода годится лишь сильно мифологизированная история войны, в которой подлинные факты корректируются мифами.

Российские генералы ещё в 1993 году в книге «Гриф секретности снят» опубликовали устраивающую их, но совершенно фантастическую цифру безвозвратных потерь Красной Армии — 8668400 погибших на поле боя, умерших от ран, болезней, в плену, расстрелянных по приговорам трибуналов и умерших по иным причинам. В 2001 году, выпуская второе издание книги под названием «Россия и СССР в войнах XX века», генерал Г. Ф. Кривошеев со товарищи согласились добавить к этой цифре ещё 500 тысяч пропавших без вести из числа призванных в первые дни войны, но не успевших прибыть в свои части (откуда столь круглая цифра — неизвестно) (1). Немецкие же потери погибшими на Восточном фронте российские генералы определяют в 3605 тысяч человек; ещё 442 тысячи умерло в плену. Потери союзников Германии погибшими и пропавшими без вести (без пленных) определяются в 668 тысяч человек (ещё около 138 тысяч умерло в плену). В итоге получается всего 4273 тысяч погибших на поле боя, от ранений и иных причин и 580 тысяч умерших в плену (2). Общее соотношение числа погибших по сравнению с Красной Армией оказывается вполне сносным — всего лишь 1:1,8, если брать число в 8668400 погибших, или 1:1,9, если добавить 500 тысяч тех, кого авторы книги «Гриф секретности снят» так и не решили, куда относить: к потерям армии или мирного населения. Замечу, что немецкие потери российские военные преувеличили, равно как и общее число мобилизованных в Германии — 21 миллион человек, дважды посчитав в этом числе состав вермахта в мирное время — 3,2 миллиона человек. Общие же безвозвратные потери советского населения официально оцениваются в 26,6–27,0 миллиона человек, из которых около 18 миллионов падает на гражданское население (3).

Получается, что Красная Армия воевала совсем неплохо, учитывая внезапность немецкого нападения, а также то, что значительная часть красноармейцев умерла в плену. И Сталин тогда не такой уж плохой полководец.

Гипнозу официальных цифр поддаются и некоторые западные исследователи. Например, американец Макс Хастингс в книге «Армагеддон. Битва за Германию», ориентируясь на эти цифры, упрекает Эйзенхауэра и других союзных генералов в том, что они в последние месяцы 1944-го не наступали столь же решительно, как русские, хотели минимизировать свои потери и в результате затянули войну на полгода, что, дескать, привело к ещё большим потерям (4). Здесь не учитывается не только то обстоятельство, что плотность немецких войск на Западном фронте была в 2,5 раза больше, чем на Восточном, но и главное — во что в действительности обошлась русским решительность их действий.

Реальные потери Красной Армии, к сожалению, были совсем другими. Дело в том, что учёт безвозвратных потерь в Красной Армии был поставлен из рук вон плохо. В приказе заместителя наркома обороны Е. А. Щаденко от 12 апреля 1942 года говорилось: «Учёт личного состава, в особенности учёт потерь, ведётся в действующей армии совершенно неудовлетворительно... Штабы соединений не высылают своевременно в центр именных списков погибших. В результате несвоевременного и неполного представления войсковыми частями списков о потерях (так в документе. — Б. С.) получилось большое несоответствие между данными численного и персонального учета потерь. На персональном учете состоит в настоящее время не более одной трети действительного числа убитых. Данные персонального учета пропавших без вести и попавших в плен ещё более далеки от истины». И ещё 7 марта 1945 года Сталин в приказе по наркомату обороны подчеркнул, что «военные советы фронтов, армий и военных округов не уделяют должного внимания» вопросам персонального учёта безвозвратных потерь (5). Наши подсчёты говорят, что в донесениях безвозвратные потери Красной Армии занижались примерно в три раза. Белорусский историк Л. Н. Бруева также свидетельствует: «Сопоставив данные, привезённые поисковиками из Центрального архива Министерства обороны,

со списками погибших Витебского райвоенкомата, мы пришли к выводу, что на территории района погибло не 42 тысячи, как в них числится, а более 120 тысяч бойцов» (6).

По этой причине прямой подсчёт безвозвратных потерь Красной Армии не представляется возможным. Установить их размер, а также величину общих безвозвратных потерь всего населения Советского Союза, возможно только путём специальных оценок, причём точность их будет заведомо невелика — плюс-минус несколько миллионов. При этом подсчёты надо по возможности произвести несколькими альтернативными, независимыми друг от друга способами, и если полученные при этом цифры будут близки, то есть, если разница полученных величин не будет превышать точности расчётов, то можно с большой долей уверенности говорить, что военные потери СССР установлены в тех пределах точности, в каких это вообще возможно сделать.

Есть помесечная динамика советских потерь ранеными за всю войну (в процентах от среднемесячного уровня) (7). Кроме того, Д. А. Волкогонов опубликовал помесечную раскладку потерь Красной Армии за 1942 год (8). Ряд соображений привёл к выводу, что только в ноябре почти все безвозвратные потери относились к погибшим, а не к пленным. Тогда безвозвратные потери составили 413 тысяч человек, а число раненых — 83 процента от среднемесячного за войну. Исходя из этой пропорции, число убитых и погибших от иных причин (кроме пленных) красноармейцев за всё время войны, с июня 1941-го по май 1945-го, можно оценить в 22,4 миллиона человек. По моей оценке, из 6,2 миллиона советских военнослужащих, побывавших в немецком плену, погибло около 4 миллионов человек. Таким образом, общие потери советских вооружённых сил можно оценить в 26,4 миллиона человек погибшими. Общие потери вермахта погибшими на поле боя и умершими от иных причин, согласно моей оценке, основанной на данных, содержащихся в книге генерала Б. Мюллера-Гиллебранда «Сухопутная армия Германии» (в годы войны он как раз ведал учётом личного состава), составили около 3,2 миллиона человек. Ещё около 0,8 миллиона человек умерло в плену (9); из них около полумиллиона не пережило плена на Востоке, где в общей сложности оказалось в плену око-

до 3,15 миллиона германских военнослужащих. На Западе из примерно 8 миллионов пленных умерло около 300 тысяч (10). Число погибших на Востоке германских военнослужащих я оцениваю в 2,1 миллиона человек, а с учётом умерших в плену — 2,6 миллиона. Отмечу, что данные Мюллера-Гиллебранда основаны на централизованном учёте германских потерь вплоть до ноября 1944 года и на оценке потерь за последние полгода, сделанной германским Генштабом. Иногда встречаются и более высокие цифры германских потерь, в 4,5–5 миллиона человек, основанные на более высоком исчислении потерь в последние полгода войны. Мне они не представляются достоверными: в последние полгода немецкие потери погибшими не могли быть выше, чем за предшествовавший год, поскольку в последние месяцы численность немецкой армии на фронте значительно сократилась, и основные потери она несла не убитыми, а пленными.

Соотношение советских и германских потерь на Восточном фронте составляет, таким образом, составляет примерно 10:1. Если же учесть ещё потери союзников Германии и советских граждан, погибших на стороне вермахта, но не учтённых в немецких потерях (а таких, по разным оценкам, было от 100 до 200 тысяч), то соотношение составит примерно 7,5:1.

Существуют и другие альтернативные методы подсчёта. Так, банк данных при Музее Великой Отечественной войны на Поклонной горе содержит персональные поимённые данные на 19 миллионов военнослужащих, погибших или пропавших без вести в ходе войны. Однако сюда включены не все погибшие, о чём свидетельствуют и неудачи десятков граждан, обратившихся в первые дни существования музея с запросами о судьбе своих без вести пропавших родных и близких. Поимённо установить всех погибших на войне полвека спустя после её окончания практически невозможно. Примерно из 5 тысяч погибших советских военнослужащих, чьи останки были найдены поисковиками России в середине 1990-х годов и чью личность удалось установить, около 30 процентов не числились в архивах Министерства обороны и не попали поэтому в компьютерный банк данных (11). Таким образом, если предположить, что 19 миллионов попавших в этот банк данных составляют примерно 70 процентов всех погибших и пропавших без вести, то их общее число должно достигать 27,1

миллиона человек. Из этого числа надо вычесть примерно 2 миллиона выживших пленных и примерно 900 тысяч вернувшихся к своим окруженцев. Тогда общее количество погибших солдат и офицеров можно исчислить в 24,2 миллиона.

Достаточно точно можно оценить соотношение советских и немецких потерь и по потерям офицеров, которые всегда считают точнее, чем рядовых. Согласно данным, приведённым Мюллером-Гиллебрандом, германская сухопутная армия потеряла на Востоке с июня 1941-го по ноябрь 1944 года 65,2 тысячи офицеров погибшими и пропавшими без вести. Общие же безвозвратные потери вермахта составили за тот же период 2417 тысяч человек. Таким образом, на одного офицера приходится 36 безвозвратных потерь среди рядовых и унтер-офицеров. Доля офицеров в общих безвозвратных потерях вермахта составляет таким образом 2,7 процента.

Безвозвратные потери офицеров советских сухопутных войск, согласно подсчётам, завершённым только в 1963 году, составили 973 тысячи человек. Если исключить из этой цифры сержантов и старшин, занимавших офицерские должности, а также потери 1945 года, то безвозвратные потери офицеров советских сухопутных сил за 1941–1944 годы, за вычетом политического состава, в вермахте отсутствующего, а также лиц административного (интендантского) и юридического состава, у немцев представленного чиновниками, составят около 784 тысячи человек. Вот эти-то 784 тысячи и надо сопоставлять с цифрой немецких потерь офицерами, приведенной у Мюллера-Гиллебранда (65,2 тысячи). Получается соотношение 12:1 (12). Оно близко к соотношению потерь погибшими армий СССР и Германии, определённое другим методом. Если же принять официальную цифру советских потерь, то получится, что в сухопутных войсках Красной Армии на одного погибшего офицера приходилось всего 8 рядовых, и таким образом выходит, что у нас отделениями (обычная численность одного отделения — 9 человек) командовали офицеры. Или что в Красной Армии в атаку бросались целые батальоны и полки одних офицеров.

Доля офицеров в безвозвратных потерях двух сторон была примерно одинакова. Так, российский военный историк В. М. Сафир отмечает, что «по отдельным боевым донесениям сухопутных

войск, приблизительный процент офицерских потерь колеблется где-то в пределах 3,5–4,0%». Если взять, например, донесение о потерях 323-й стрелковой дивизии за 17–19 декабря 1941 года, там на 38 убитых командиров приходилось 458 солдат и сержантов, а на 19 командиров, пропавших без вести, — 1181 пропавший без вести сержант и солдат. Таким образом, доля командиров в безвозвратных потерях дивизии составляла 3,36 процента. Если же вычесть отсюда политработников, составлявших почти 10 процентов офицерских потерь, и ещё 3 процента потерь административного и юридического состава, то доля офицеров в потерях сократится до 3 процентов и будет не много отличаться от доли офицеров в немецких безвозвратных потерях (13).

Все эти вычисления доказывают только ту горькую правду, которую те немногие уцелевшие из фронтовиков, кому доводилось ходить в атаку, знают и без нас. Великая Победа была одержана ценой невероятно высоких и неоправданных потерь, благодаря той огромной и безропотной массе необученных советских солдат, которые шли в самоубийственные атаки, устилая поля войны своими телами. Хорошо обученный солдат и офицер, способный размышлять, представляли для Сталина куда большую опасность, чем гибель десятков миллионов необученных бойцов. Ведь именно профессиональная армия была бы способна на военный переворот, а не то плохо обученное ополчение, каким Красная Армия оставалась до конца войны.

Неслучайно по уровню боевой подготовки и управления Красная Армия значительно уступала вермахту как в предвоенный период, так и на протяжении всей войны. Ещё в 1943 году механики-водители советских танков, перед тем как идти в бой, получали практику вождения в 3–5 раз меньшую, чем требовалось для того, чтобы уверенно водить танк (5–10 моточасов вместо 25) (14). Советские летчики накануне войны имели до смешного малый налёт часов — от 4 до 15,5 часов за первые три месяца 1941 года (15). В дальнейшем в лётном училище советские летчики успевали налетать лишь 20–30 часов и освоить лишь взлёт и посадку, но не выполнение сложных маневров в воздухе. Пилоты же люфтваффе вплоть до начала 1944 года только в училищах имели лётную подготовку в 450 часов. Затем из-за нехватки горючего она была уменьшена до 150 часов, но всё

равно оставалась в несколько раз большей, чем у советских пилотов (16). Поэтому в последние полтора года войны люфтваффе использовали Восточный фронт как своеобразный учебный полигон. Сюда посылали молодых необстрелянных пилотов, чтобы они набрались боевого опыта в сравнительно спокойных условиях перед тем, как вступить в схватку с англо-американской авиацией в небе над Германией. Это считалось гораздо более серьёзным испытанием (17).

Неудивительно, что в конце войны советские части были порой не лучше подготовлены к ведению боевых действий, чем при её катастрофическом начале. Так, 4 апреля 1945 года новоназначенный командующий 4-м Украинским фронтом А.И. Ерёменко записал в дневнике: «Нужно спешить, а войска очень слабо подготовлены к наступательным действиям, на 4-м Украинском фронте своевременно не занимались этим решающим успех дела вопросом» (18).

Что же касается общих советских потерь, то они значительно превышают официальные 27 миллионов. Дело в том, что население СССР к началу войны составляло не 194 миллиона человек, как полагают многие демографы, а, согласно исчислению, проведённому ЦСУ в июне 1941-го, должно было превышать 200 миллионов человек. Но тогда успели провести только предварительное исчисление, а повторное сделали лишь по Молдавии и Хабаровскому краю. Оно дало цифры, на 4,6 процента превышавшие первоначальные. С учётом этого население СССР в июне 1941-го можно оценить в 209,3 миллиона человек, а общую убыль населения вследствие войны от избыточной смертности, с учётом того, что к началу 1946-го его численность оценивалась в 167 миллионов человек, а также показателей рождаемости последних военных лет, — в 43,3 миллиона человек (общие потери «Третьего рейха» оцениваются в 7 миллионов погибших) (19). Таким образом, потери гражданского населения СССР составили 16,9 миллиона человек. Подчеркну, что точность здесь не превышает ± 5 миллионов человек; десятки миллионов в цифрах условны и отражают лишь способы счисления. Но точнее наши потери мы вряд ли когда-нибудь посчитаем. И, замечу, потери Красной Армии в принципе подсчитаны точнее, чем потери мирного населения, поскольку последние оценены лишь одним способом. Так

что если в дальнейшем общая убыль населения СССР будет оценена меньшей цифрой, то уменьшение произойдет прежде всего за счёт потерь среди мирных граждан.

ЖЕРТВЕННЫЕ МИФЫ И КРОВАВАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Во время войны Сталину и находившимся под его контролем властным структурам необходимо было внушить бойцам и командирам, всему советскому народу, что их безоглядные жертвы — единственный путь к победе. Поэтому характерной чертой большинства мифов советской пропаганды стал мотив жертвенности. В 1941–1945 годах советская пропаганда делала упор на те подвиги, когда красноармейцы ценой своей жизни уничтожали врагов или обеспечивали успех своим товарищам. Таковы были мифы о подвигах 28 гвардейцев-панфиловцев у разъезда Дубосеково в ноябре 1941-го, 5 героев-краснофлотцев под Севастополем в том же ноябре, Александра Матросова в феврале 1943-го. Однако эти мифы в подавляющем большинстве случаев далеки от действительности. Так, например, Зоя Космодемьянская выполняла бесчеловечный приказ Сталина об уничтожении деревень отрядами факельщиков, отданный 17 ноября 1941 года за подписями Сталина и Шапошникова от имени Ставки Верховного Главнокомандования и называвшийся «О создании специальных команд по разрушению и сжиганию населённых пунктов в тылу немецко-фашистских войск». Сжигание же крестьянских изб обрекало на страдания и гибель прежде всего самих крестьян, а не немецких солдат.

А под разъездом Дубосеково сражались не 28, а 120–140 героев-панфиловцев, из которых уцелело чуть более двух десятков бойцов. И подбили они не 18 танков, как гласила легенда, а всего 5–6. И сам миф родился для оправдания тяжёлого поражения, а не героического успеха, ибо оборонявшаяся рота была быстро разгромлена немцами по вине командования полка, которое не учло, что направление, где держалась оборона, было наиболее

танкоопасным, и не выделило роте дополнительных противотанковых средств (20). Редактор «Красной Звезды» Давид Ортенберг откровенно объяснял в беседе со следователем в 1948 году: «Вопрос о стойкости советских воинов в тот период приобрёл особое значение. Лозунг «Смерть или победа», особенно в борьбе с вражескими танками, был решающим лозунгом. Подвиги панфиловцев и являлись образцом такой стойкости (в реальности она заключалась в том, что остатки 4-й роты в беспорядке отступили не после первой, а только после второй атаки, 3–4 часа спустя. — *Б. С.*). Исходя из этого, я предложил Кривицкому написать передовую статью о героизме панфиловцев, которая и была напечатана в газете 28 ноября 1941 г. Как сообщил корреспондент, в роте было 30 панфиловцев, причём двое из них пытались сдать немцам в плен. Считая политически нецелесообразным показать сразу двух предателей, я оставил в передовой статье одного...» (21).

Что касается подвига пяти моряков-севастопольцев во главе с политруком Николаем Фильченковым, якобы подбивших до 10 немецких танков в бою под Севастополем 7 ноября 1941 года, причём под последние танки они бросались, обвязанные связками гранат, то этого боя, так ярко воспроизведённого фантазией писателя Андрея Платонова в рассказе «Одухотворённые люди», вообще не могло быть, поскольку в ноябре 1941-го в Крыму немецкие и румынские войска вообще не имели танков или штурмовых орудий (22).

Жертвенные мифы призваны были оправдать в глазах красноармейцев огромные и зачастую напрасные жертвы, придать им высший смысл, который, возможно, нельзя постичь сиюминутно, на поле боя, но который должен был быть ясен Верховному Главнокомандованию.

В то же время, существует немало свидетельств — как с советской, так и с немецкой стороны — о самоубийственных атаках Красной Армии на неподдавленную систему обороны, в том числе и потрясшие Эйзенхауэра откровения Жукова о том, как он посылал пехоту разминировать минное поле собственными телами (23). Трудно усомниться в их достоверности. Но с мифами они не согласуются, а потому и отвергаются сознанием большинства россиян, как историков и политиков, так и остальных гражд-

дан. И сегодня прежние мифы продолжают тяготеть над российской историографией Великой Отечественной. Отказ от них требует коренного пересмотра взгляда на собственную историю, признания доли исторической ответственности собственного государства не только за победу в войне, но и за преступления, совершавшиеся им в тот же период. Но тогда сегодняшнее неприглядное положение, в котором оказалось большинство народа, лишится успокоительной прививки в виде мифа о Великой победе.

КРАСНАЯ АРМИЯ: ОСВОБОДИТЕЛИ ИЛИ НАСИЛЬНИКИ?

Вопрос о преступлениях Красной Армии против немцев крайне болезнен как для российского, так и для немецкого национально-го самосознания. Последнее опасается увидеть в признании такого рода преступлений оправдание преступлений, совершённых СС и вермахтом. По оценке немецкого историка Иоахима Гофмана, в период оккупации Германии красноармейцы убили около 120 тысяч мирных немецких граждан (24). Существуют и более высокие оценки — до 400 тысяч убитых, причём сделаны они российскими историками (25).

Многие аспекты Великой Отечественной войны против Германии, действительно, выходили за границы норм международного права, традиций и обычаев военных действий. Член Военного Совета 1-го Украинского фронта К.В. Крайнюков в донесении от 4 апреля 1945 года признавал лишь «отдельные случаи произвола, особенно факты изнасилования женщин», которые «держат немцев в постоянном страхе и напряжении» (26). Там же утверждалось, что «отношение немецкого населения к Красной Армии на ранее занятой территории Германии остаётся враждебным. Они совершают диверсионные акты и помогают скрываться немецким солдатам, оставшимся в тылу войск фронта», хотя «внешне немцы покорны, аккуратно выполняют все поручения и высказывают удовлетворение установленным для них режимом». При этом «Военные советы фронта и армий ведут решительную

борьбу против мародёрства и изнасилования немецких женщин». Имелись и документы о том, что активисты нацистской партии будто бы склоняли соотечественников к самоубийству и даже умерщвляли их, чтобы потом свалить эти преступления на красноармейцев. Степень соответствия этих документов реальности внушает сомнение, тем более что те, кто фигурирует в них в качестве свидетелей, были уже мертвы к моменту их составления (27). Замечу, что донесения непосредственно из войск, в частности, донесение политотдела 8-й гвардейской армии от 25 апреля 1945 года, свидетельствовали, что большинство немецкого населения относится к Красной Армии вполне лояльно (28). Хотя были донесения и о враждебных проявлениях со стороны немецкого населения, в частности, об обстрелах из окон домов; правда, при этом не приводилось никаких доказательств того, что обстрелы вели именно мирные жители, а не солдаты и офицеры вермахта и СС (29).

Косвенно массовые случаи военных преступлений Красной Армии признавала директива Ставки от 20 апреля 1945 года об изменении отношения к немецкому населению. Там, в частности, говорилось: «Потребуйте изменить отношение к немцам как к военнопленным, так и к гражданским. Обращаться с немцами лучше. Жесткое обращение с немцами вызывает у них боязнь и заставляет их упорно сопротивляться, не сдаваясь в плен. Гражданское население, опасаясь мести, организуется в банды. Такое положение нам невыгодно. Более гуманное отношение к немцам облегчит нам ведение боевых действий на их территории и, несомненно, снизит упорство немцев в обороне. В районах Германии к западу от линии устье реки Одер, Фюрстенберг, далее река Нейсе (западнее) создавать немецкие администрации, а в городах ставить бургомистров-немцев. Рядовых членов национал-социалистической партии, если они лояльно относятся к Красной Армии, не трогать, а задерживать только лидеров, если они не успеют удрать» (30).

После этого приказа, как свидетельствует, например, донесение политотдела 8-й гвардейской армии от 29 апреля 1945 года, обстановка стала меняться: «Военные коменданты отмечают, что в последние дни резко уменьшилось количество случаев барачества, изнасилования женщин и других аморальных явлений

со стороны военнослужащих. Регистрируется по 2–3 случая в каждом населенном пункте, в то время как раньше количество случаев аморальных явлений было намного больше» (31). Военный Совет 1-го Белорусского фронта во исполнение директивы докладывал 2 мая: «Факты бесцельных и [необоснованных] расстрелов немцев, мародёрства и изнасилований немецких женщин значительно сократились, тем не менее даже и после издания директив Ставки Верховного Главнокомандования и Военного совета фронта ряд таких случаев ещё зафиксирован. Если расстрелы немцев в настоящее время почти совсем не наблюдаются, а случаи грабежа носят единичный характер, то насилия над женщинами всё ещё имеют место; не прекратилось ещё и барачничество, заключающееся в хождении наших военнослужащих по бросовым квартирам, собирании всяких вещей и предметов и т. д.» (32).

О масштабах изнасилований можно судить по тому факту, что ежегодно в период 1945–1948 годов примерно два миллиона женщин делали нелегальные аборты. Однако только зимой 1946/47 года советские власти, озабоченные распространением венерических заболеваний, ввели серьёзные наказания для своих солдат в Восточной Германии за братание с врагом. По мнению британского историка Энтони Бивора, в занятых Красной Армией районах Германии были изнасилованы едва ли не все женщины в возрасте от 10 до 80 лет, причём в равной мере насилию подвергались русские и польские женщины, освобождённые из лагерей. Думаю, что данные о числе изнасилованных на территории Германии женщин (по мнению Бивора, их могло быть до 15 миллионов) значительно преувеличены (33). В то же время, данные советских архивов о числе преступлений, совершенных красноармейцами в Европе, до сих пор не опубликованы и нет уверенности, что такие данные вообще существуют.

В сводке Совинформбюро от 1 ноября 1944 года утверждалось: «Грязные потоки лжи, распространяемые гитлеровцами, не запятнают чести доблестной Красной Армии. Безупречным и корректным поведением советские воины снискали всеобщее уважение в городах и селах Румынии, Польши, Болгарии, Северной Трансильвании, Югославии, Венгрии, Норвегии, Чехословакии. Эта правда о поведении советских бойцов и офицеров на

занятой ими территории теперь всем известна. Никакими фальшивками немецким мошенникам не удастся исказить эту очевидную и бесспорную истину. Никто не поверит гитлеровским палачам Хатыни, Бабьего Яра, Майданека. Жители всех оккупированных немцами стран с радостью встречают Красную Армию, освобождающую их от немецко-фашистского рабства». В той же сводке утверждалось: «Ефрейтор 43-го пехотного полка 1-й восточно-прусской дивизии Пётр Фенбонг сообщил: “В середине октября гестаповцы начали снимать кинофильм о зверствах русских войск в Восточной Пруссии. Переодетые в русскую форму немцы бьют стёкла, ломают мебель, режут скот и поджигают дома. Всё это снимается на киноплёнке. Этот фильм скоро будет готов. Говорили, что Геббельс очень торопит и требует, чтобы фильм был выпущен на экран как можно быстрее”. Немецкий обер-ефрейтор 8-й роты 1141-го полка 561-й пехотной дивизии Герберт Штоббе показал: “Я был свидетелем того, как всех, кто отказывался эвакуироваться из Восточной Пруссии, — а это были главным образом советские жители, угнанные из Ленинградской области, из Эстонии, Латвии и Литвы, — гестаповцы на месте расстреливали. Трупы убитых женщин и стариков фотографировали и снимали на киноплёнку”. Так гитлеровцы фабрикуют фильм о “зверствах советских войск в Восточной Пруссии”». Но эти слова были очень далеки от действительности. К сожалению, давно известно, что оказавшиеся в советском плену немцы под диктовку следователей часто давали совершенно фантастические показания (или такие показания озвучивались от их имени). А в Восточной Пруссии символом советских зверств стала деревушка Неммерсдорф, о которой немцы успели снять фильм. Здесь красноармейцы зверски убили десятки женщин и детей, не пощадив даже работавших тут же французских пленных.

При объективном взгляде иначе выглядят и некоторые советские подвиги, в том числе и канонизированные в последние годы. Конечно, потопление «Вильгельма Густлова» потребовало от Маринеско немалого искусства (потопленный вместе с ним плавучий госпиталь в донесениях превратился во вспомогательный крейсер), но как быть с тем, что на «Густлове», как пишет в послесловии к русскому переводу повести Гюнтера Грасса Игорь Шевелев, «кроме тысячи резервистов-подводников и трёхсот

военнообязанных девушек, ...находилось девять тысяч беженцев. Одних детей было более четырёх тысяч, большинство из которых погибло или на корабле, или в ледяной воде».

Как справедливо утверждает публицист Максим Соколов, на Нюрнбергском процессе «ряд деяний держав-победительниц, немного отличавшихся от деяний Третьего рейха, был заранее выключен из рассмотрения. Террористические налёты англо-американской авиации на гражданские объекты Германии, не имевшие военного значения, зверства советских войск в Восточной Пруссии, колонны немецких беженцев, расстреливаемых советскими штурмовиками с бреющего полета, — указания на все эти ужасные факты не принимались во внимание по тому соображению, что в ином случае возобладал бы принцип взаимной амнистии, уничтожающей всякую ответственность за преступления против человечности. Взаимная амнистия, извиняющая такие преступления, была бы, бесспорно, недопустима, однако в итоге получилось так, что преступления Третьего рейха вошли в приговор трибунала и легли вечным пятном на совесть Германии, породив у немецкого народа заслуживающий всяческого уважения комплекс вины, многие же деяния держав-победительниц оказались попросту яко не бывшими, что никак не способствовало должному осмыслению прошлого» (34). Известно, что советские войска творили убийства, изнасилования и грабежи не только в Германии, но и в Польше, Венгрии, Югославии... Милован Джилас свидетельствует, что осенью 1944-го красноармейцы в Сербии изнасиловали 121 женщину, убив 111 из них, и было зафиксировано 1204 грабежа, в связи с чем югославская делегация ездила в Москву с жалобой, но не встретила понимания у Сталина (35).

Справедливости ради необходимо признать, что советские преступления в Германии и других европейских странах, сколь бы чудовищны они не были, не являлись непосредственным следствием государственной политики. Сталин не собирался уничтожать всех или даже большинство немцев, а только особо зловредных, тесно связанных с гитлеровским режимом и представлявшим «эксплуататорские классы». Кроме того, он не собирался лишать Германию и занятые в ходе войны страны государственности, предпочитая иметь там марионеточные режимы, тогда как Гитлер

собирался полностью уничтожить евреев и цыган, уменьшить численность и депортировать ряд славянских народов и лишить государственности оккупированные страны. (Впрочем, противники Германии ответили депортацией миллионов немцев, освобождая тем самым жизненное пространство для поляков, чехов, русских, румын и венгров.) Как справедливо замечает Г. А. Бордюгов, дискуссия о преступлениях Красной Армии неизбежна, однако она «нисколько не уменьшит высокую оценку героизма наших солдат. Она позволит приблизиться к пониманию природы войны, позволит ответить на вопрос, который перед смертью поставил Виктор Астафьев: “Русские выдержали испытание войной. Выдержат ли они испытания всей правдой о войне?”» (36).

ОККУПАЦИЯ ИЛИ ОСВОБОЖДЕНИЕ?

Дискуссия о том, насколько советско-германский пакт о ненападении способствовал началу Второй мировой войны, и являлся ли для народов Восточной Европы приход советских войск освобождением или новой оккупацией, продолжается. Президент Путин в интервью словацким СМИ прямо заявил: «Часто вспоминается, скажем, пакт Молотова–Риббентропа, в результате которого как бы произошел сговор между Советской Россией, Советским Союзом и гитлеровской Германией и в последующем была аннексирована Прибалтика. Ну что можно сказать на этот счёт? На всё это нужно смотреть в контексте исторических событий. И я бы тогда попросил Вас вернуться к событиям сентября 1938 года, когда в Мюнхене были подписаны известные соглашения между нацистской Германией и западноевропейскими странами, которые позднее вошли в историю и называются часто «мюнхенским сговором»... С целью обеспечения своих интересов и своей безопасности на западных рубежах Советский Союз пошёл на подписание этого пакта Молотова–Риббентропа с Германией» (37).

Однако сравнение Московского пакта с Мюнхенским соглашением не выдерживает исторической критики. Бесспорно, Мюнхен был отнюдь не самым славным делом англо-французской

дипломатии. Однако ни Чемберлен, ни Даладьё никаких территорий приобрести не стремились и искренне верили, что им удастся умиротворить Гитлера, отдав ему последнюю крупную область, населённую почти исключительно немцами. Сталин же, заключая пакт с Гитлером, не только планировал аннексировать значительную часть Восточной Европы, но и уже не сомневался, что в самое ближайшее время последует германское нападение на Польшу. Точно так же российская сторона до сих пор отказывается признать факт советской оккупации стран Балтии, восточной Польши, Бессарабии и Буковины. Хотя, опять же, с историко-правовой точки зрения, например, оккупация Красной Армией Литвы, Латвии и Эстонии ничем не отличается от германского аншлюса Австрии в 1938-м, когда сначала под давлением Германии к власти пришло прогерманское правительство, которое пригласило германские войска. А затем, уже в условиях оккупации, был проведён референдум, на котором подавляющее большинство австрийцев высказалось за аншлюс. В случае с СССР вся разница сводится к тому, что в странах Балтии были проведены не референдумы, а выборы просоветских парламентов, послушно оформивших аннексию своих стран.

Что же касается вступления Красной Армии в 1944–1945 годах на территорию оккупированных Германией стран Восточной Европы, то здесь, как и в отношении самого немецкого народа, правомерна такая формула: советские солдаты несли на своих штыках и освобождение от германской оккупации, и новую оккупацию, также тяжело переживаемую оккупируемыми.

Сегодня необходимо подходить к истории Второй мировой войны только с точки зрения научной истины (в тех пределах, в которых её можно установить), тогда будет не обидно ни победителям, ни побежденным. И исходить надо из одного основополагающего принципа: признание преступлений и неблагоприятных поступков одной стороны ни в коем случае не означает оправдания поступков и преступлений другой. Только такая позиция не позволит спекулировать на военных мифах ни неонацистским партиям и организациям в ФРГ, ни неонацистским (вроде «бригад 88»)

и националистическим силам в России. При этом стоит помнить, что коллективную ответственность должны нести не народы, а государства, являющиеся правопреемниками режимов, запятнавших себя военными преступлениями и преступлениями против человечности. Только таким и может быть подлинно научный подход, которого, к сожалению, не хватает большинству наших историков и политиков.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гриф секретности снят: Потери Вооружённых Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Под ред. Г.Ф. Кривошеева. — М., 1993. С.128–129. Во втором издании этой книги цифры остались прежними (Россия и СССР в войнах XX века. — М., 2001. С.236).

2. Гриф секретности снят... С.393.

3. Колоссальный недоучёт потерь в книге «Гриф секретности снят» доказывает только один пример. По данным этой книги, 5 июля 1943 года, к началу Курской битвы, войска Центрального фронта насчитывали 738 тысяч человек и в ходе оборонительной фазы сражения с 5 до 11 июля понесли потери (санитарные и безвозвратные) в 33897 человек. Согласно всем законам математики, к началу наступления 12 июля войска фронта должны были иметь в своём составе 704 тысячи человек, однако авторы книги утверждают, что 12 июля Центральный фронт насчитывал всего 645300 человек, причём за неделю оборонительных боев его состав практически не изменился: добавилась одна отдельная танковая бригада и убыли две стрелковые бригады, что в итоге могло уменьшить численность войск фронта не более чем на 5–7 тысяч человек. Численность войск оказалась почти на 60 тысяч меньше, чем должна бы быть, исходя из официальных данных о потерях («Гриф секретности снят...»). С.188–189).

4. New York Times. 27.12.2004.

5. Военно-исторический журнал. 1992. № 9. С.28–31.

6. Л. Н. Бруева. Пока не похоронен последний солдат. Рукопись: http://kraij.vitebsk.net/_bru_09.

7. Е.И. Смирнов. Война и военная медицина. — М., 1979. С.188.

8. Д.А. Волкогонов. Мы победили вопреки бесчеловечной системе //Известия. 8.05.1993.

9. Б. Мюллер-Гиллебранд. Сухопутная армия Германии 1933–1945. Т.3. — М., 1976. С.323–344; Итоги второй мировой войны. — М., 1957. С.597.

10. В.В. Эрлихман. Потери народонаселения в XX веке. — М., 2004. С.134–135; В.П. Галицкий. Вражеские военнопленные в СССР (1941–1945 гг.) //Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С.46; Итоги Второй мировой войны. С.597.

11. Сообщено мне С.Д. Митягиным.

12. Подсчитано по: Б. Мюллер-Гиллебранд. Сухопутная армия Германии 1933–1945. Т.3. С.354–409; А.А. Шабает. Потери офицерского состава Красной Армии в Великой Отечественной войне //Военно-исторический архив. Вып.3. — М., 1998. С.173–189; Россия и СССР в войнах XX века. С.430–436.

13. *В.М. Сафир*. Генерал армии Гареев не приемлет факты... //Военно-исторический архив. Вып.10(25). — М., 2001. С.102–103; Скрытая правда войны: 1941 год. — М., 1992. С.222; Гриф секретности снят... С.316–317.
14. *С.И. Мельников*. Маршал Рыбалко. — Киев, 1984. С.50–51.
15. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Т.1. — М., 1961. С.476.
16. *С.Н. Славин*. Секретное оружие Третьего Рейха. — М., 1999. С.40–41.
17. *W. Murray*. Luftwaffe: Strategy for Defeat, 1933–1945. — L., 1988. P.371.
18. *А.И. Еремёнко*. Военный дневник //Военно-исторический журнал. 1994, №7. С.20.
19. *В.С. Кожурин*. О численности населения СССР накануне Великой Отечественной войны //Военно-исторический журнал. 1991. №2. С.23–26; *Л.Е. Поляков*. Цена войны. — М., 1985. С.87; *С.И. Брук*. Население мира: Этнодемографический справочник. — М., 1981. С.198; Историческая демография: проблемы, суждения, задачи. — М., 1989. С.100; Страна Советов за 50 лет: Сборник статистических материалов. — М., 1967. С.257. *В.В. Соколов*. Тайны Второй мировой. — М., 2001. С.241–247.
20. *А.Ф. Катусев*. Чужая слава //Военно-исторический журнал. 1990. №9. С.71–75; *Н. Петров, О. Эдельман*. Новое о советских героях //Новый мир. 1997. №6. С.145–148.
21. *Н. Петров, О. Эдельман*. Новое о советских героях. С.148.
22. *Б. Переслегин*. Комментарии //Э. фон Манштейн. Утерянные победы. — М.-СПб., 1999. С.307.
23. *J. Lucas*. War on the Eastern Front; the German Soldier in Russia. — L., 1991. P.31–36; *D. Eisenhower*. Crusade in Europe. — N. Y., 1977. P.465–468; «Подмосковье». 1994. № 25. С.5; «Комсомольская правда». 24.06.1993; 27.12.1995; «Звезда». 1990. №3. С.140–141.
24. *А. Гогун*. Другая война 1941–1945 годов //Русская мысль (Париж). №4399. 7.03.2002. Это — в целом критическая рецензия на книгу: *J. Hoffman*. Stalins Vernichtungskrieg 1941–1945. — Muenchen, 2000, но её автор соглашается с приводимой Хоффманом цифрой.
25. *В.В. Эрлихман*. Потери народонаселения в XX веке. С.42.
26. Русский архив. Великая Отечественная. Битва за Берлин. Т.15. — М., 1995. Документ № 149.
27. Там же. Документы № 148, 149.
28. Там же. Документы № 155, 158.
29. Там же. Документ № 160.
30. Там же. Документ № 153.
31. Там же. Документ № 159.
32. Там же. Документ № 165.
33. «The Daily Telegraph». 24.01.2002; Э. Бивор. Падение Берлина. — М., 2004. С.524–546. В.В. Эрлихман снижает число изнасилованных до 2 миллионов (*В.В. Эрлихман*. Потери народонаселения в XX веке. С.42).
34. «Коммерсантъ-Daily». № 214. 18.11.1995.
35. *М. Джилас*. Лицо тоталитаризма. — М., 1992. С.67 и след.
36. *Г.А. Бордюгов*. Вермахт и Красная Армия: преступления против гражданского населения //Свободная мысль-XXI». 2004. № 6.
37. Российская газета. 22.02.2005.

В 1999–2005 гг. в серии вышли:

- Выпуск 1 — «Свое» и «чужое» прошлое в постсоветских государствах.
- Выпуск 2 — *И. Ротарь*. Ислам и война.
- Выпуск 3 — *М.И. Мельтюхов*. Канун Великой Отечественной войны: дискуссия продолжается.
- Выпуск 4 — *Стивен Коэн*. Изучение России без России (крах американской постсоветологии).
- Выпуск 5 — *Г. Бордюгов, В. Бухараев*. Национальные истории в революциях и конфликтах советской эпохи
- Выпуск 6 — *К. Вашик*. Представление исторического знания и новые мультимедийные технологии.
- Выпуск 7 — *Д.Ю. Гузевич*. Кентавр или к вопросу о бинарности русской культуры.
- Выпуск 8 — *Е. Котеленец*. Харизматический властный союз. Новейшие исследования о Ленине и его политическом окружении.
- Выпуск 9 — *Дирк Кречмар*. Искусство и культура России XVIII–XIX вв. в свете теории систем Никласа Лумана.
- Выпуск 10 — *В.Э. Молодяков*. Берлин–Москва–Токио: к истории несостоявшейся «оси». 1939–1941.
- Выпуск 11 — *О.Г. Буховец*. Постсоветское «Великое Переселение народов»: Беларусь, Россия, Украина и другие.
- Выпуск 12 — *И. Ротарь*. Под зеленым знаменем Ислама. Исламские радикалы в России и СНГ.
- Выпуск 13 — Новые концепции российских учебников по истории.
- Выпуск 14 — *Беттина Зибер*. Русская идея обязывает!?
- Выпуск 15 — *Сергей Александров*. Возникновение зарубежной России.
- Выпуск 16 — *Стивен Коэн*. Можно ли было реформировать советскую систему?

ИД № 01428 от 05.04.2000

Подписано в печать с оригинал-макета 22.04.2005
Формат 60×80 1/16. Тираж 500 экз. Усл. печ. л. 4.5.

Научно-исследовательский центр АИРО-XX
E-mail: airo@online.ru
